

Наташа Белова, архитектор из Омска

ОГОНЁК

№ 5 ЯНВАРЬ 1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ия Месхи. МАЗУТ И ГОЛУБИ

ВСТРЕЧА С СОМАЛИ

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВ ЕДЕТ В ПЯТИГОРСК

НОВЫЕ СТИХИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 5 (1806)

28 ЯНВАРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Вот он, «намыв». Растут дома на песке.

ГОРОД ПОВОРАЧИВАЕТСЯ К

Виктор Ласкавый (справа) проектирует самый счастливый дом в Омске — Дворец бракосочетаний. Ему необходим совет главного архитектора Б. В. Антипова.

Фото Д. Ухтомского.

В чертежах, рисунках, набросках у омских архитекторов многое изменилось после XXII съезда. Новая Программа партии сделала все планы грандиозней, значительней.

Омск огромен, и если вы не побывали здесь хотя бы два года, то считайте, что не знаете города. И даже Иртыш, старый Иртыш, отгородившийся от людей своим болотистым берегом, стал другим. Берег теперь высокий, целые кварталы стоят на намыве, и цветная мозаика новых домов видна издалека.

Иртышский песок засыпал болото, и дома на песке вопреки старой поговорке стоят прочно. Вечером река отражает добрый свет окон и витрин магазинов. Намыв дал не только строительные площадки, но и повернул город лицом к Иртышу. Омск как будто только сейчас обрел свою реку. И можно идти долго-долго по набережной мимо аккуратно подстриженных кустарников и пестрых, какой-то веселой формы скамеек.

На месте деревни Захламино, которая стояла за городской свалкой, протянулся стройный и нарядный проспект Мира. Сплошные стекла витрин, четкий, простой рисунок зданий.

Даже обычно скучные фонарные столбы здесь украшают пейзаж. На каждой улице они разных цветов — желтые, голубые, светло-зеленые... Рушатся представления о сибирском городе с непременным эпитетом «суровый».

— Мы хотим, чтобы у людей было хорошее настроение. Идешь по городу, и как будто всегда праздник,— говорит главный архитектор города Борис Владимирович Антипов.

Мы заходим с ним в дом на проспекте Карла Маркса, где, как сказали нам, «работают только молодые», — в Управление строительства и архитектуры. Главный архитектор, несмотря на свой большой творческий опыт, тоже остается молодым. Антипов — ленинградец, теперь житель Омска, а был и

…ТЫШУ

дальневосточником — первый главный архитектор Комсомольска-на-Амуре, был и орловцем. В 1943 году он вместе с советскими войсками вошел в освобожденный Орел. Партия оставила его здесь, чтобы строить разрушенный город.

В Омске Антипов семь лет. Он знакомит нас с архитекторами. Виктор Ласкавый из Минска, едва ли не самый старший из них — ему 26, — сосредоточенно склонился над чертежами Дворца бракосочетаний. Официальный и банкетный залы уже спроектированы. Сейчас Виктор занят магазином для молодоженов. Здесь можно будет приобрести или заказать все, что необходимо для дома, здесь же посоветуют, как обставить комнату, украсить ее. Это будет совсем скоро, уже в нынешнем году.

Самый молодой архитектор — двадцатилетняя Наташа Белова, вчерашняя москвичка, приехала сюда вместе с мужем.

А Наташа Меснянкина два года назад уехала из Москвы.

— И думаю,— что навсегда. Теперь в столицу летаю только на экзамены: я ведь заочница.

Сейчас самое интересное и важное дело в жизни Наташи — сделать город зеленым, красочным. Архитекторы не только создают проекты домов и кварталов. Они украшают его парками.

«Наш парк культуры и отдыха» — так называют пока прозрачные аллеи тоненьких деревцев на левом берегу Иртыша...

Чертежи, рисунки, макеты — рождается новый облик сибирского города на Иртыше, начинаются творческие биографии молодых зодчих.

Г. МОСКОВСКАЯ

ТРЕТИЙ РУБЕЖ СЕМИЛЕТКИ В З Я Т !

ЕЩЕ ОДИН КРУПНЫЙ ШАГ К КОММУНИЗМУ!

Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР сообщило:

В 1961 ГОДУ ВЫПУСК ПРОДУКЦИИ ВОЗРОС НА 9,2 ПРОЦЕНТА.

СТАЛИ выплавлено 70,7 миллиона тонн.

НЕФТИ добыто 166 миллионов тонн.

ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ получено 327 миллиардов киловатт-часов.

ПОСЕВНЫЕ ПЛОЩАДИ увеличились на 1,6 миллиона гектаров.

Вступило в строй более 800 новых крупных предприятий.

ГРАНДИОЗНЫМИ УСПЕХАМИ ОЗНАМЕНОВАЛИ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ 1961 ГОД—ГОД ИСТОРИЧЕСКОГО XXII СЪЕЗДА КПСС

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ВЫБОРАМ

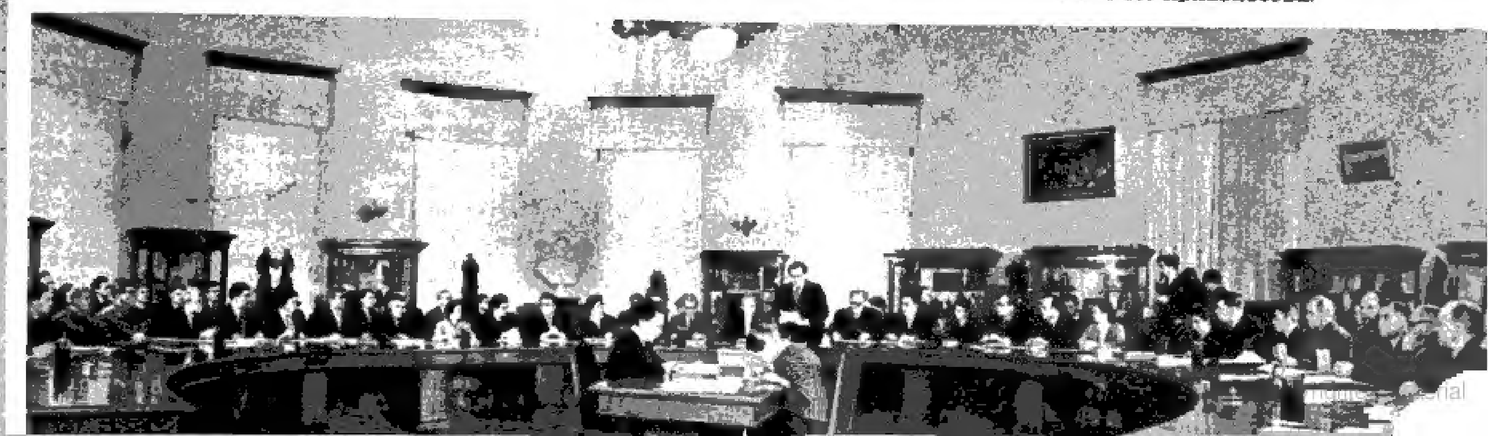
Недавно Указ Президиума Верховного Совета СССР утвердил Центральную избирательную комиссию по выборам в Верховный Совет СССР шестого созыва. В комиссию вошли представители общественных организаций и обществ трудящихся, а также представители от собраний рабочих, служащих, колхозников и военнослужащих.

22 января, в Москве, в Доме союзов, состоялось первое заседание Центральной избирательной комиссии под председательством председателя комиссии В. В. Гришина.

Комиссия рассмотрела ряд вопросов, связанных с подготовкой и проведением выборов в Верховный Совет СССР.

На снимке: первое заседание Центральной избирательной комиссии.

Фото Ю. Кривоносова.

Встреча А. И. Микояна на аэродроме в Бамако.

СВОБОДНАЯ ЗЕМЛЯ АФРИКИ

Столица Республики Мали Бамако стоит на реке Нигер. Так называется эта река на всех картах Африки. Но сами малийцы зовут Нигер другим именем — Джолиба. В переводе это значит «щедрая», «благодатная».

Подлинный смысл этого старого названия реки открывается малийцам по-настоящему только сейчас, когда территория, носившая название Французский Западный Судан, стала независимой страной Африки — Республикой Мали. Взяв название древней империи Мали, когда-то, много веков назад, существовавшей на этих землях, руководители молодой республики бросили вызов лжи колонизаторов о том, что Африка — это «континент без истории». Теперь, когда сами африканцы стали хозяевами в Мали, все богатства недр, благодатная вода Джолибы, просторы земель — все готово служить народу.

Радушно встретил народ Мали гостя из СССР — первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, члена Президиума ЦК КПСС А. И. Микояна. Это была встреча посланца из страны друзей. Всюду во время своей поездки по странам Африки А. И. Микояна ждал теплый прием. Это было свидетельство того, что африканские народы знают и высоко ценят твердую позицию Советского Союза в борьбе против колониализма, за свободу для всех народов, которые еще закованы в колониалистские кандалы.

Рукопожатие на малийской земле.

Фото Вас. Захарченко.

Подвиг восьми

КОММУНИСТЫ ЛОМАЮТ РЕШЕТКИ САЛАЗАРОВСКИХ ТЮРЕМ

Алваро КУНЬЯЛ,
генеральный секретарь Коммунистической партии Португалии

Мужественный сын португальского народа Алваро Куньял, еще недавно сам заключенный в одной из салазаровских тюрем, совершивший побег из нее, рассказывает на страницах «Огонька» о новом побеге своих единомышленников — коммунистов из неволи.

Еще раз португальским коммунистам, заключенным Салазаром в тюрьму, удалось бежать. После каждого побега фашисты усиливают охрану, увеличивают число часовых, еще бдительнее стерегут узников, еще строже изолируют заключенных друг от друга, устанавливают еще более жесткий тюремный режим. Они заявляют: «Этот побег — последний. Больше от нас ни один не убежит!» Но партия продолжает неустанно бороться за освобождение своих арестованных товарищей, которые томятся в салазаровских застенках. После каждого удачного побега в сердцах тех, кто еще остается за решеткой, крепнет решимость и воля к борьбе. Об истории побегов португальских коммунистов из фашистских тюрем можно было бы написать большую волнующую книгу.

Самые опасные заключенные

В одной из казарм крепости Кашиас, в десяти километрах от Лисабона, находились восемь коммунистов, которые считались очень опасными. Их жестоко пытали в полиции. Все вместе они провели в салазаровских тюрьмах более полустолетия. Среди них были три члена ЦК Компартии Португалии, в том числе Франсиско Мигель, осужденный более чем на двадцать лет. В этой тюрьме к восьми узникам применялся режим самой строгой изоляции. Они постоянно подвергались обыскам, за ними была установлена специальная слежка.

Из казармы заключенных выводили на короткую «прогулку» во двор, расположенный внутри крепости. Этот двор был со всех сторон окружен стенами. У каждой из них находились часовые. Выйти

← Теплые, ясные дни стоят на юге Китайской Народной Республики, в провинции Гуандун. Весело проводят свои зимние каникулы школьники уездного города Синьхой. В то время как в Пекине их сверстники катаются на коньках, здесь излюбленное развлечение детей — лодочные прогулки по живописной дельте реки Жемчужная.

Фото В. Овчинникова

→ Снова американский реактивный самолет пронесся над школой... Этот снимок сделан в Японии, в городе Фукуока. В двух километрах отсюда — военная база США. Зловещая тень постоянно нависает над городом. Крушения самолетов, «учебные» бомбометания, во время которых бомбы падают на улицы, и другие подобные случаи стали обычным явлением. В результате их погибло двенадцать японских жителей. Демократические организации города Фукуока ведут решительную борьбу за ликвидацию американского милитаристского гнезда.

Фото Джапан Пресс.

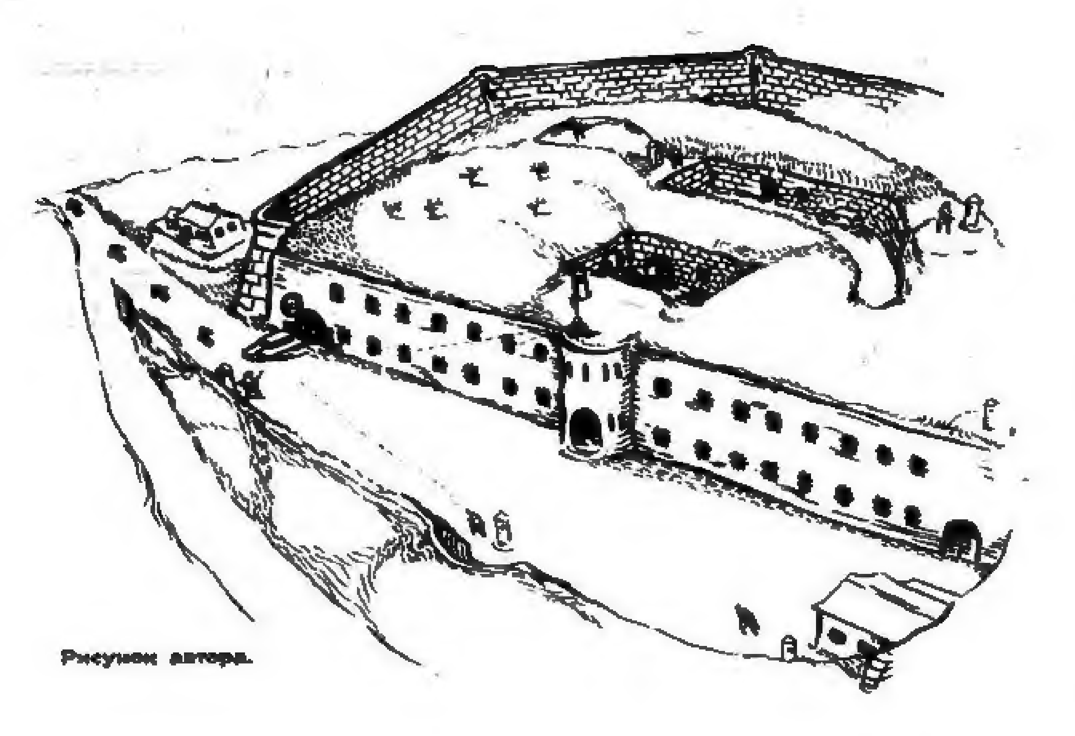

Рисунок автора.

наружу можно было только через длинный туннель с мощными воротами. У этих ворот тоже стояли часовые, которые проверяли каждого, кто выходил из крепости.

Тюремщики были совершенно уверены, что их «подопечные» находятся в надежном месте: «Этим уж никуда не убежать».

Полиция тщательно изучала случаи побегов заключенных. Были приняты все меры, чтобы узники не могли ни сломать решетки, ни открыть ворот, ни сделать подкоп, ни перекинуть лестницу через стену, ни подкупить охрану или отвлечь стражу. Было предусмотрено все, чтобы заключенные не получали никакой помощи извне.

И тем не менее они убежали. Был найден еще один, новый вариант побега.

В старом бронированном автомобиле

Какую ценность мог представлять собой стоявший во дворе крепости старый бронированный автомобиль, на котором сюда когда-то приезжал со своей охраной Салазар? Явно никакой.

Но заключенные так не думали.

С колоссальным трудом им удалось незаметно отремонтировать автомобиль. В 10 часов утра 4 декабря прошлого года все было готово для того, чтобы один из заключенных, Рамос, работавший прежде шофером в Лисабоне, пробрался к машине. Он быстро заводит ее и въезжает во двор (на рисунке отмечен цифрой 1), где в это время находились на прогулке его товарищи. Рамос резко тормозит, они прыгают в машину и захлопывают дверцы. Охрана кричит и открывает стрельбу. Как ураган, машина, осыпаемая градом пуль, проносится по туннелю, с грохотом разбивает ворота (на рисунке — цифра 2) и, сшибая часовых, мчится прочь.

Приветствие отважных

На следующий день после побега восемь героев-коммунистов обратились с волнующим приветствием к португальскому народу. Тайно отпечатанное, оно долго ходило по стране. «Вырвавшись на свободу, мы заявляем, что будем, как и раньше, не колеблясь, выполнять свой долг коммунистов во всех боях, которые нам предстоят». Бежавшие из тюрьмы Кашиас приветствовали Коммунистическую партию Португалии, рабочий класс и весь народ своей страны. Они призвали все демократические силы к единству. Коммунисты выразили свою признательность тем, кто за границей солидарен с политическими заключенными Португалии. Они дали обещание товарищам, которые еще томятся в тюрьмах, не щадить сил в борьбе за их освобождение.

«Ни избиения, ни изоляция, ни долгие годы заключения — ничто не разбило нашей уверенности в том, что идеи коммунизма неизбежно станут реальностью жизни,— говорится в приветствии португальскому народу.— XXII съезд КПСС, который открыл новую эпоху человечества, был для нас светочем, который усилил нашу уверенность в окончательной победе. Воля продолжать борьбу за наши идеалы и за освобождение Португалии от фашистской тирании — вот что заставило нас, не колеблясь, рискуя жизнью, осуществить наш побег».

Так же, как и раньше, после прежних побегов, теперь, после побега коммунистов 4 декабря, салазаровцы заявили: «Этот побег— последний. Больше от нас ни один не убежит». Но португальские коммунисты, у которых есть опыт и решимость вернуться в бой за свободу своих товарищей, отвечают: «Мы не первые, а если Салазар еще продержится,— и не последние!»

Салазар и Франко: объятия убийц.

ФЛАГИ НАД ИНДИЕЙ

Как крысы с тонущего корабля, бегут голландские колонизаторы из Западного Ириана. Еще один пароход прибыл в Амстердам, доставив очередную группу беженцев. Индонезийский народ полон решимости освободить свою исконную территорию — Западный Ириан — от чужеземного владычества, и он, несомненно, добьется победы.

Фото ЮПИ.

В богатом историческими событиями календаре Индии есть две даты, которые особенно близки и дороги сердцу каждого ее жителя. Эти даты — 15 августа и 26 января. С первой связано завоевание Индией независимости в 1947 году, со второй — провозглашение страны республикой, закрепившее историческую победу индийского народа над английскими колонизаторами.

Вся Индия одевается в эти знаменательные дни в праздничный наряд. Государственные флаги с оранжевой, белой и зеленой полосами реют над улицами Дели и Калькутты, над крестьянскими домами в знойной пустыне Раджастан и хижиной охотника из племени нага в штате Ассам.

Но никогда еще Индия не была такой ликующей и радостной, как в канун празднования Дня Республики. Это первый праздник Индии, полностью и навсегда освободившейся от остатков колониального господства империалистов. Впервые этот праздник пришел к народам Гоа, Дамана и Диу, избавившимся от 450-летнего португальского гнета и воссоединившимся наконец с матерью-родиной.

Автору этих строк довелось недавно быть проездом в Бомбее и видеть, с каким восторгом встречали индийцы победу своих войск над португальскими колонизаторами.

События тех дней с особой четкостью провели водораздел между истинными и фальшивыми друзьями Индии.

Индийская печать до сих пор продолжает комментировать и обобщать уроки, вытекающие из операции по освобождению Гоа, Дамана и Диу. Передо мной один из последних номеров «Дели таймс». Сравнивая позиции США и СССР в отношении Гоа, газета показывает, как на протяжении ряда лет Соединенные Штаты неуклонно поддерживали режим Салазара в вопросе о Гоа.

«Нельзя не припомнить позиции, которую другая великая держава — СССР — заняла в отношении действий Индии в Гоа, — отмечает газета. — Наш премьер-министр получил теплое поздравительное послание от советского премьера Хрущева вскоре после освобождения Гоа. Понимание Советским Союзом действий Индии по освобождению Гоа — это поступок не случайный и не с целью приобрести выгоду для себя. Поддержка, которая нашла самое яркое выражение в наложении Советским Союзом вето на резолюцию Запада о Гоа в Совете Безопасности, является следствием той широко известной позиции, которую эта страна занимает по вопросу о колониализме».

— Передайте большое, большое спасибо вашему правительству, — говорили нам, советским людям, в Бомбее индийцы.

Время с каждым годом все убедительнее подтверждает силу дружбы между СССР и Индией.

Советские люди желают своим друзьям за Гималаями новых успехов на пути обеспечения независимости.

Ю. ЯСНЕВ

Меняет свой облик столица Республики Индии.

Ровесники независимости.

Николай Васильев

51-й номер «Огонька» с очерком О. Кнорринга «Пятьсот метров от жизни» вышел в воскресенье, 17 декабря, а в понедельник утром в редакцию пришла молодая женщина и взволнованно стала расспрашивать, что бы могла она сделать для Николая Ивановича Васильева. Она прочитала о нем в журнале, и ей хочется ему помочь.

Зазвонил телефон. Пионеры 3-й спецшколы Ленинградского района Москвы просили уточнить адрес Васильева, они решили послать ему к Новому году посылку: что-нибудь сладкое. Затем звонки следовали один за другим. Комсомольцы с 1-го часового завода и сотрудники Московской Центральной политехнической библиотеки сообщили, что отправили Николаю Ивановичу книги и рисовальные принадлежности. Попросила адрес, чтобы послать Васильеву книги по искусству, народная артистка СССР О. В. Лепешинская. А через несколько дней начали поступать письма. Сначала от москвичей и жителей соседних областей, затем радиус стал увеличиваться. Теперь редакция получает письма почти из всех уголков нашей великой Родины. Пишут рабочие, колхозники, пионеры, воины Советской Армии, врачи. Пишут лично от себя и по поручению целых коллективов. Читаешь эти письма и думаешь: как же много у нас добрых людей, готовых бескорыстно протянуть руку помощи товарищу, оказавшемуся в беде!

Количество друзей у Васильева растет не по дням, а по часам. Их уже тысячи. И от этого, как сообщил нам сам Николай Иванович, «в одиноком домике на бугре сразу потеплело».

Из огромной почты мы отобрали лишь несколько писем.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЗАБОТА О ЛЮДЯХ

Дорогая редакция!

Я выписываю «Огонек» в течение пяти лет, но пишу в журнал первый раз и убедительно прошу опубликовать мое письмо. Я шахтер, простой труженик. Прочитав в журнале о беде, постигшей Н. И. Васильева, я и моя супруга были возмущены до глубины души поступками руководителей колхоза и прежде всего секретаря парторганизации, где состоит на учете Васильев. Вот в журнале описывают, что Анохин хороший. А мы говорим, что нет: хороший коммунист, и к тому же секретарь парторганизации, так не должен поступать. Он забыл слова В. И. Ленина, что самым дорогим капиталом в нашей стране является человек. И как так могло случиться, чтобы у Анохина не хватило времени для человека?!

Позвольте спросить у него, когда он проводил собрание с коммунистами, что он думал об отсутствии товарища? Так может поступать только бездушный и безответственный бюрократ. Видите ли, Васильев лично не обращался к нему: то посевная, то уборка и так далее. А кто убирает и кто сеет? Это прежде всего люди. О них надо заботиться. И не только о здоровых, но и о больных. Об этом-то Анохин позабыл. Это значит, он плохой коммунист. Я вспоминаю случай, когда я попал в госпиталь. Как радостно на душе было, когда я увидел своего комбата-полковника с супругой, ожидавших меня внизу! Это человек, который прошел три войны, у которого много ранений и батальон солдат, и он все-таки выбрал время, чтобы проведать своего солдата.

Я думаю, что таких, как Анохин, забывающих о людях, нужно считать неспособными к руководящей работе.

Г. МАНЧ

г. Донецк. Ростовской области.

КАК ЭТО МОГЛО СЛУЧИТЬСЯ!

Признаюсь откровенно, прочитав письмо Васильева и очерк «Пятьсот метров от жизни», я не выдержал и заплакал. Мне, кавалеру двадцати орденов и медалей, прошедшему с боями от Москвы до Берлина, видевшему много всяких невзгод, стало до слез обидно за советского человека и чрезвычайно горько за черствость и бездушно-казенное отношение людей из колхоза «Власть труда» и общественных организаций Озерского района, где воспитывался и работал их товарищ, комбайнер-тракторист, коммунист Николай Иванович Васильев. Как могло случиться, что человек, получивший инвалидность и прикованный к постели, семь лет оставался один на один со своей тягчайшей болезнью, без внимания коллектива, без помощи товарищей!

Делается очень обидно за черствость и казенное отношение людей, окружавших Васильева. А, возможно, многие из них являются передовиками производства и активными общественниками.

И невольно мысли возвращаются к Программе Коммунистической партии, где в центре внимания стоит забота о советском человеке.

В ней записано: «человек человеку — друг, товарищ и брат», «каждый за всех, все за одного». А друзья Васильева забыли об этом.

Конечно, подобные факты можно встретить весьма редко в нашей стране.

Подавляющее большинство советских людей в любую минуту приходит на помощь человеку, если он оказывается в беде. Мне известно, что в Житомирской области уже много лет лежит прикованный к постели раненный и контуженный в боях за нашу Родину солдат Давыдовский. Сейчас Владимир Васильевич работает над повестью о боевых днях. Люди несут этому человеку тепло своих сердец. Бесконечное число писем идет в его дом со всех концов нашей Родины и от трудящихся социалистических стран. Он живет жизнью своей страны. И таких примеров настоящей гуманности из нашей действительности можно привести очень много.

Товарищам из колхоза «Власть труда» нужно внимательно изучить величайший документ нашей эпохи — Программу КПСС и особенно прочувствовать сердцем слова: «...человек человеку — друг, товарищ и брат», — тогда случаи, подобные грустной истории Н. И. Васильева, станут вряд ли возможны.

А. ФЕДОРОВ,

бывший командир бомбардировочной авиационной дивизии, кандидат исторических наук.

г. Москва.

Я НЕ ЗАБЫЛА ЛЮДСКОЙ ДОБРОТЫ

Люди у нас очень отзывчивые, всегда готовы в беде помочь. Вот я возьму пример из своей жизни. Я круглая сирота, воспитывалась в детском доме. Над детдомом взяла шефство воинская часть. У каждого шефа был свой подшефный. У меня тоже был шеф — Зайцев Николай Михайлович. Этот человек помогал мне учиться, по воскресеньям забирал меня, и я проводила воскресенья в их семье. На дни рождения шефы не забывали дарить подарки. С помощью Николая Михайловича я поступила в техникум и с его помощью его окончила. Эта семья всегда поддерживала меня и морально и материально. В 1956 году я окончила техникум, вышла замуж, имею хорошую семью, но до сих пор я не забыла людской доброты и постоянно переписываюсь с Зайцевым Николаем Михайловичем. Я всегда буду ему благодарна за внимание ко мне.

К сожалению, встречаются еще у нас люди бездушные, подобные тем, которые бросили в беде Н. И. Васильева. Мы должны искоренить из нашей жизни бездушие, черствость, бесчеловечность и другие порочащие нашего советского человека качества.

Н. ШТЕПА

Днепропетровская область.

НЕ ПАДАЙТЕ ДУХОМ, НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ!

Мы из далекого Южного Казахстана. Сегодня с глубоким волнением мы прочитали статью О. Кнорринга «Пятьсот метров от жизни» и были потрясены. Где же были односельчане Васильева? Как могли они оставить его в беде?

Наши учителя постоянно говорят нам о любви к человеку, о взаимоподдержке, о внимательном отношении друг к другу. Мы знаем, что больной человек особенно нуждается во внимании и моральной поддержке, поэтому нас так поразило холодное равнодушие товарищей Николая Ивановича. Нам стыдно за них!

Нам очень хочется помочь Николаю Ивановичу Васильеву. Мы решили переписываться с ним: рассказывать о жизни нашего класса, школы, о своих пионерских делах.

Не падайте духом, Николай Иванович!

Южно-Казахстанская область, г. Чимкент. 11-летняя школа имени Лермонтова, 7 «А» класс.

ЭТО ДОЛГ КАЖДОГО

Дорогая редакция, здравствуйте! С большой обидой на душе пишу вам.

Прочитала я материал «Пятьсот метров от жизни» и долго-долго думала над ним. Да, плохо получилось в колхозе «Власть труда». Пока человек был здоров, все знали о нем, навещали его, а заболел — и оказался никому не нужен.

Я работаю почтальоном в сельской местности, и мне ежедневно приходится встречаться с сотнями людей. Есть на моем участке двое престарелых, одиноких, но я их не забываю, навещаю каждый день, ношу воду, из магазина попутно несу все, что им нужно. Они очень благодарят меня за помощь. Я считаю, что у каждого должна быть забота о больных и престарелых.

Т. ЛЕОНТЬЕВА

колхоз имени Захарова,
Псковской области.

СКРОМНЫЙ ПОДАРОК

Рабочие Сотницинского сахарного завода Рязанской области с глубоким волнением читали в журнале «Огонек» письмо бывшего механизатора колхоза «Власть труда», Озерского района, Калининградской области, коммуниста Николая Ивановича Васильева и кор-

едет в Пятигорск

респонденцию О. Кнорринга «Пятьсот метров от жизни».

Мы обрушиваем свой гнев на сельскую и районную общественность. Неужели секретарь парторганизации, председатель правления колхоза «Власть труда» и работники Озерского райкома КПСС настолько заняты, что в течение семи лет не смогли выбрать свободного дня, чтобы посетить Васильева? Не верится! Просто-напросто бездушные, черствые люди в Озерах.

Ознакомившись с письмом тов. Васильева, наши рабочие не захотели остаться в стороне. 25 декабря мы послали ему свой скромный подарок. Для нас он, незнакомый человек, друг, товарищ и брат.

Стойко переносите невзгоды, Николай Иванович. Помните, что честные советские люди разделяют ваше горе и всегда готовы и рады помочь вам.

Директор завода Губин, секретарь партбюро Бритшев, главный инженер Шаров, секретарь комитета ВЛКСМ Рыжов, председатель завкома Блохин, бригадир бригады коммунистического труда Улымова.

ОБО МНЕ ПОМНЯТ

Я три года прикована к постели, заболевание такое же, как у тов. Васильева. Но я хочу рассказать о другом, о наших советских людях, которые помогают мне переносить физические страдания, поддерживают морально.

Я живу в селе под Лозовой. У нас около 50 дворов. И вот нет колхозной семьи, которая не принимала бы горячее участие в моей судьбе. Тот врача вызывал, другой отправлял в санаторий, многие просто приходят навестить. Председатель колхоза тов. Золотько Д. К. трижды выделял машину для поездки в санаторий «Донбасс» Славкурорта. Внимательны работники сельского Совета, почты. Особенно благодарна за внимание и помощь товарищам Золотько Д. К., Шолоховой Н. Я., Нагорному С. П., семье Фокиных, Захаровой Е. Е. и многим простым советским людям.

Эти люди сделали для меня очень много.

Или еще. 1 января проездом заехал к своим старикам Герой Советского Союза полковник Мясников М. И. с женой Верой Леонтьевной. И, несмотря на то, что у них мало было времени, пришли ко мне, поздравили с Новым годом, справились о здоровье. Это вселяет веру в выздоровление.

РЫНДИНА

Харьковская область, Близнецовский район.

ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО

Дорогая редакция!

Я не мастер писать письма в редакцию, но статья «Пятьсот метров от жизни», напечатанная в № 51 «Огонька», заставила меня взяться за перо.

Внимательность окружающих больного человека людей, безусловно, лучшее лекарство и один из лучших видов лечения. Это я почувствовала на себе. После операции я лежала в больнице. Описывать трудности и страдания, перенесенные мною, не хочу. Трудно, очень трудно лежать долго и только на спине. Но насколько должно быть труднее, когда люди, знающие тебя, забывают о тебе. Очень трудно.

Меня люди не забыли: мои товарищи, товарищи моего мужа, люди нашего города. Я лежала в больнице в г. Ереване. Расстояние не пятьсот метров, а много больше пятисот километров, но товарищи из моего коллектива и из коллектива мужа не забыли обо мне и на таком расстоянии. Большая часть людей, приезжавших в те месяцы в Ереван, знавших меня, считала своим долгом навестить меня. Один из наших работников был специально командирован в Ереван, чтобы узнать о моем состоянии и при необходимости оказать мне помощь. Такое же внимание, душевное отношение проявили ко мне и работники больницы профессор Маркарян, врачи Погосян, Мовсесян, Аветисян, Табагян и многие другие.

Жизнь моя была спасена, я выздоровела, сейчас приступила к работе.

Грануш ПЕТРОСЯН

г. Степанакерт, Азербайджанской ССР.

ВЕРНОСТЬ В БЕДЕ

Здравствуй, Николай!

Я прочел твое письмо в редакцию и узнал о твоем тяжелом положении, в котором ты, друг дорогой, сейчас находишься.

В таком же положении я лежал три года. Меня подлечили, теперь я хожу на костылях. Спасибо жене, Надежде Степановне. Это она ухаживала за мной, была всегда рядом.

Я, когда был тяжело болен, советовал ей. «Надя,— говорю ей,— брось, — говорю,— мучиться со мной: встану ли я на ноги — это еще неизвестно, а ты еще можешь жить и без меня. Зачем будешь со мной мучиться?» Так знаешь, что она мне ответила? «Нет,— говорит она,— Вася, не за то я выходила за тебя замуж, чтобы теперь тебя бросить».

И так мы живем с ней десятый год в ладу да согласии.

БОШКОВ В. А.

с. Вольное, Новоивановский район, Одесская область.

ПИСЬМО ИЗ БУХАРЕСТА

С большим интересом прочитали мы волнующую статью о тов. Н. И. Васильеве, который вот уже семь лет как прикован к постели тяжелой болезнью.

Его нелегкая судьба и в то же время бодрость и мужество, с которыми он переносит болезнь, произвели на нас очень глубокое впечатление.

Узнав, что Н. И. Васильев занимается в качестве любителя живописью, мы подумали, что ему было бы приятно получить несколько книг по искусству. Поэтому мы хотели бы послать ему через вас несколько работ, выпущенных на русском языке нашим издательством. Вместе с тем мы шлем тов. Васильеву горячий привет и наилучшие пожелания.

С товарищеским приветом

проф. И. БОГДАН,
директор издательства «Меридианы»

ПРИЕЗЖАЙТЕ ЛЕЧИТЬСЯ К НАМ

Уважаемый Николай Иванович, посоветовавшись с коллегами, мы решили предложить вам лечение в нашей больнице, которая имеет опыт по лечению заболеваний, подобных вашему.

Люди у нас хорошие, душевные, и вам у нас понравится. Сообщите ваше желание, и мы организуем посылку за вами специального транспорта с сопровождающим.

Главный врач больницы
А. АНЦИФЕРОВА

г. Фрязино. Московской области.

ЖДЕМ ВАС, НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ!

Уважаемый товарищ редактор!

Коллектив Пятигорской клиники Государственного бальнеологического института на Кавказских минеральных водах, прочитав статью О. Кнорринга в вашем журнале, озаглавленную «Пятьсот метров от жизни» (№ 51 за 1961 год), озабочен судьбой больного советского человека Николая Васильева.

Наша клиника в настоящее время изучает проблему лечения больных с инфекционным неспецифическим (ревматоидным) полиартритом и анкилозирующим спондилоартритом. Из статьи видно, что Николай Васильев страдает этим тяжелым заболеванием.

Мы решили пригласить через ваш журнал на лечение Николая Васильева и считаем, что больному будет оказана квалифицированная помощь.

Путевка будет вручена по приезде больного в клинику в любое удобное для него время.

Надеемся, что местные органы здравоохранения и общественность по месту жительства больного окажут содействие в транспортировке больного на лечение.

Ждем вас, Николай Иванович, мы сделаем для вас все возможное и зависящее от нас.

По поручению коллектива

главный врач клиники В. М. ДУХОВСКОЙ,
научный сотрудник клиники В. П. КЕССЕЛЬ

г. Пятигорск.

Когда готовился этот обзор писем, пришла телеграмма от Васильева: «Буду в Москве семнадцатого».

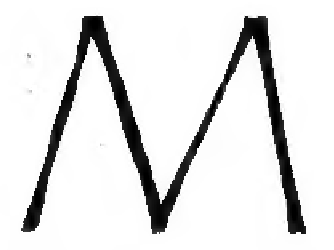
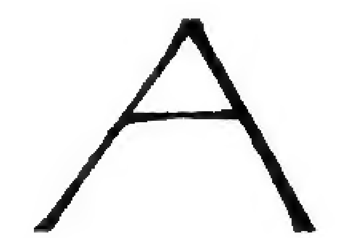
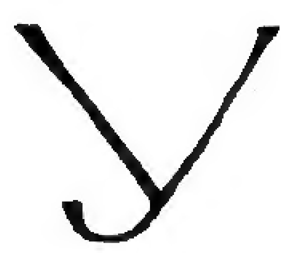
Николай Иванович решил воспользоваться приглашением пятигорских врачей и направлялся на лечение.

И вот он в Москве. При встрече с нашим корреспондентом на вокзале Васильев рассказал, что он получил более четырех тысяч писем, несколько сотен новогодних телеграмм, очень много посылок и различных подарков.

— Я просто растерялся от лавины человеческой доброты и щедрого внимания,— говорит он.— Уж очень я переживаю, что не могу написать каждому из своих новых друзей, не могу пожать их руки. Разрешите через ваш журнал поблагодарить всех, всех за теплое участие в моей судьбе.

* * *

Вскоре редакция получила сообщение из Пятигорска, куда благополучно прибыл Николай Васильев. Как его там встретили? Как он чувствует себя на новом месте? Об этом читайте на 27-й странице.

З

Н. МЕСХИ

Если ты родился на железнодорожной станции и целые дни только и видишь, как бегут куда-то длинные составы, только и слышишь, как говорят о вагонах, путях, тормозах, то все это входит в твою плоть и кровь. Даже тогда, когда солдатская служба оторвет тебя на какой-то срок от родных мест, даст возможность увидеть, что есть другая жизнь, другие, значительные дела, все равно кажется: нет ничего лучше, ничего важнее железной дороги, нет ничего милее звонкого стука колесных пар, острого запаха мазута, черных, пузатых цистерн.

Поэтому, когда Мелик Джавадов, сын стрелочницы со станции Аляты, вернулся из армии, он с радостью принял предложение друга Икрама пойти работать на Бакинский вагоноремонтный завод. На этом заводе возвращали к жизни «больные» цистерны и делали запасные части вагонов. Смущала только не очень добрая слава, которая ходила об этом предприятии на дороге,— раньше, до того, как Мелик стал солдатом. Говорили, что среди бакинских заводов он выглядит самым захудалым, весь утопает в мазуте, рабочие часто получают травмы, потому что все там делается вручную, по-дедовски: руками выбивают опоки из моделей, вручную моют в едком растворе колесные пары, на руках перетаскивают тяжелые детали с тележек цистерн.

Икрам Садыхов, друг детства, с которым вместе бегали по рыжим шпалам в школу, вместе коротали на станции вечера, только посмеивался в ответ: «Ты, старик, отстал со своими слухами...»

Икрам уже несколько лет работал на этом заводе, стал мастером по сборке автотормозов, учился в Политехническом институте и вообще выглядел так, что приятно было на него смотреть. Кажется, и впрямь там произошло что-то хорошее...

И Мелик пришел на завод.

— Специальность?

— В армии обучился электромонтажному делу. Четвертый разряд.

— Хочешь по этой специальности работать или новую получить?

— Пожалуй, новую. Ведь две лучше, чем одна...

— Пойдешь слесарем-котельщиком на вагоносборочный участок!

— Есть!

Начальник завода Мугбиль Абассович Алиев одобрительно смотрит на подтянутого, приветливого, скромного паренька. Коллектив завода небольшой, дружный, устойчивый. Уход с работы за последние годы — редкость. Следовательно, редкость и прием. Каков он, новый человек? Не подкачает ли? Не нарушит ли ту особую атмосферу чистоты, трудолюбия, доверия, которая установилась в коллективе?

...Утро. Мелик и Икрам входят в заводскую проходную.

— Обрати внимание: табеля у нас нет. Давно уже никто не прогуливает, не опаздывает на работу. А если ты станешь опаздывать, все равно товарищи заметят и пристыдят...

Друзья идут по асфальтированному двору к белому зданию, на котором написано: «Бытовой комбинат».

— Этот дом, Мелик, мы строили своими силами, оставаясь после работы на заводе. Здесь раздевалки с душевыми и всякие другие бытовые услуги. В общем, можешь в любое время побриться, отдать спецовку в стирку, починить обувь, одежду. Все это бесплатно.

В раздевалке Мелик натягивает на себя рабочий костюм, а снятое прячет в шкаф. Странно как-то, что шкаф не имеет никаких запоров и в раздевалке нет сторожей. Все-таки сотни разных людей...

— Можешь быть спокойным,— говорят соседи, заметив замешательство новичка. И тут же рассказывают ему о том, что в первые дни, правда, были неприятности, пропадала всякая мелочь. Устроили собрание, судили-рядили, кто бы это мог быть. Один рабочий встал и признался, что подозревает такого-то человека. Этот человек сидел тут же. Он очень оскорбился, но как-то неискренне. Все это почувствовали. Через несколько дней сам попросил расчет без объяснения причины. Его уволили, и с той поры ни одной пропажи.

— Вот так и не закрываем друг от друга ни своих вещей, ни своих инструментов, ни своих сердец. А иначе как же мы можем себя считать рабочими людьми?

Думая о сказанном, Мелик направляется по заводской территории на свой участок. Если б не явно реконструированные, старательно подкрашенные корпуса, если б не теснота, на которую обречен старый завод обступившим его городом, можно подумать, что здесь разбит парк. Все чисто подметено, уютные беседки, увитые виноградной лозой, бассейны с красными рыбками и великое множество цветов. Заводская территория просто утопает в цветах. Именно не в мазуте, а в цветах. И стоит посреди двора высокая, красивая голубятня, вокруг которой хлопочут и воркуют белые птицы.

Мелик уже знает о слесаре Ованесе Амирханове, который неистовой любовью любит цветы, сам достает их неведомыми путями, сам разводит в заводской оранжерее и расселяет на каждом свободном от асфальта клочке земли. Знает о старом шорнике Муршуте Исмаилове — главном голубятнике завода. Муршуту, наверно, и не снилось о такой «должности», когда он начинал работать на этом заводе в 1918 году. Но разве кто-нибудь принуждает его заниматься голубями или слесаря Ованеса цветами? Это просто радость рабочего человека, радость для себя, для своих заводских. И потребность как можно лучше устроить место, на котором по-новому вершится труд людской.

«Что значит быть членом коллектива коммунистического труда?» — останавливает Мелика вопрос на доске.

«Это значит,— читает он дальше,— **не отказываться ни от какой работы — выгодная она или невыгодная, тяжелая или легкая. Браться за нее с охотой, относиться к труду, как к потребности и радости.**

Во всяком деле проявлять смекалку. Думать, как сделать лучше. Не механически выполнять работу, а творчески, с мыслью.

Жить по правилу: один за всех — все за одного. Считать так: один лодырь — позор для бригады, участка. Один прогульщик — пятно на всех. Один допустил брак — беда целого коллектива...»

Ему еще расскажут, как все это началось, как объявили прежде всего войну грязи и хламу и самые, казалось бы, неисправимые «аристократы» — токари и слесари высокой квалификации — сами взялись за метлу. А потом из одиннадцати «карликовых» цехов сделали на заводе три крупных участка, все перекроили, все модернизировали, поставили автоматы и механизмы, заменившие ручной труд, научились экономить, как тут принято говорить, старогодные детали. Да еще как экономить! В год из сэкономленного ремонтировали более 100 цистерн! Значит, завелись сверхплановые накопления, и на эти накопления тут же, немедленно, стали приобретать оборудование гардеробных, строить спортивный зал, бытовой комбинат. Все стало свое, «семейное», и каждый старался придумать что-нибудь новое в технологии, чтоб еще на чем-нибудь сэкономить, еще что-нибудь выкроить для жизненных благ...

Расскажут Мелику и об экскурсии на стекольный завод, во время которой возникла идея создания «механической руки» на выбивке литья из опок. Казалось бы, что может быть общего у вагоноремонтного завода со стекольным? Однако увидели литейщики, как там работает автомат, и решили использовать принцип действия этого автомата в литейном производстве. Создалась такая обстановка в коллективе, при которой каждый человек, чем бы он ни занимался, где бы ни был, думал о своем заводе.

Ничего не делается сейчас на заводе без совета с рабочими. Между администрацией и коллективом установилось такое взаимопонимание и доверие, при котором исчезла всякая нужда в наказаниях. Самое большое наказание здесь — выйти на середину перед товарищами и держать перед ними ответ за свои проступки. Мелик уже знает, что он сам будет выписывать и закрывать свои наряды, сдавать свою продукцию с личным клеймом, без отдела технического контроля, получать свою заработную плату

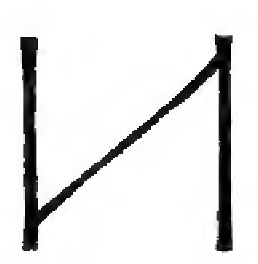

Фото Б. Кузьмина.

без кассира. Так уж здесь заведено не первый год. Ему доверяют, потому что знают, что он будет выполнять коммунистические заповеди коллектива:

«...Свои знания, свой опыт дели на всех. Видишь, сосед отстает — помоги. Сам не сможешь сделать — не стыдись обратиться к товарищу.

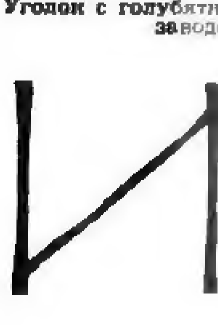
Окончил работу—не теряй времени зря, тебя ждет школа, техникум, институт. Есть свободная минута — бери в руки книгу. Учись так, чтобы принести еще больше пользы своему народу...»

И, конечно, Мелик будет учиться, закончит прерванное армией образование и пойдет дальше, как друг Икрам. Ведь тут не только требуют выполнять заповеди, но и помогают их выполнять: средняя школа, например, организована прямо на заводе; в железнодорожном техникуме — специальный класс только из заводских...

Стоит молодой рабочий перед входом в свой новый трудовой дом и размышляет над тем немногим, что он успел узнать и увидеть. В самом деле, старый бакинский завод имел большое революционное прошлое. Здесь работали коммунисты-подпольщики. Здесь рабочие-железнодорожники воевали за Советскую власть и завоевали ее. Тогда-то завод и был назван именем Октябрьской революции. А после кое-кто решил, что коммунизм, за который бились деды и отцы, должен прийти сам, без усилий и борьбы. И влачили существование, еле сводя концы с концами, утопая в мазуте. Но вот, оказывается, как много можно сделать, если взяться всей рабочей семьей!

Сейчас Мелик войдет в корпус, под крышей которого стоят на тумбах громадные, пятидесятитонные цистерны. Его научат их клепать. Но этого мало. Этому он мог бы научиться в любом другом месте. Где-то подсознательно Мелик уже понимает, что на заводе, который носит звание предприятия коммунистического труда, он получит не только новую специальность, а нечто неизмеримо большее и важное, возвышающее его в своих глазах.

Уголок с голубятней на бакинском заводе.

Завещанный мир

Кайсын КУЛИЕВ

ИНЕЙ

Сверкает иней выпавший
Зимою во дворе.
Башлык морозом выпушен,
И бурка в серебре.

Изменчивого облика,
Но верная себе,
Солома белым облаком
Вздымается в арбе.

У ишака чуть синие
Бахромки под губой.
Покрыты скалы инеем,
Как дымкой голубой.

Ужели я, ужели я
В алмазной стороне?
Чегемское ущелие
Все в голубизне.

И я заиндевелые
Не в первый вижу раз
Овечьи морды белые
С печалью темных глаз.

И близкие и дальние
Деревья все подряд,
Как будто бы хрустальные:
Качнешь — и зазвенят.

И словно вижу детство я,
Как к солнцу на снегу,
Едва успев одеться, я
Из дому бегу.

И тем я счастлив именно,
Что светел холод дня,
Что воротник от инея
Искрится у меня.

Как мехом, оторочены
Двери и порог.
И вижу я отточины
На крыльях у сорок.

Отца посеребренные
Кончики усов.
И елочки оконные
Из сказочных лесов.

А мама закорузлые,
Облитые льдом
Початки кукурузные
С мороза вносит в дом.

Люблю зимой нашествие
Инея,
когда
Овечьей белой шерстью он
Облепит провода.

Когда в часы морозные
Я на стекле окна
Загадочные, звездные
Читаю письмена.

У ОЧАГА

С гор возвратившийся сквозь проседь
Зимы,
когда летят снега,
Любил отец мой бурку сбросить,
Потом присесть у очага.

И, цветом схожий с пестью волчьей,
Огонь то злился, то смирел.
И на него отец мой молча,
О чем-то думая, смотрел.

О том ли думал он с тревогой,
Что снег метет, спаси аллах,
Не разминулись бы с дорогой
Охотившиеся в горах?!

Иль думал, что и все крестьяне,
Он, возвратясь под отчий кров:
А как там овцы на кутане?
Кормов ли хватит для коров?

Металось пламя и сникало,
Зардев на черной головне,
Но черных дум не возникало
В отцовской доброй голове.

Мели снега жестокой доли,
И помню, что огонь зачах,
Но вот он вновь в балкарском доме
Венчает каменный очаг.

Горит очаг.
Огнем объяты
Дрова чинаровые в нем.
Сижу, как мой отец когда-то,
Задумавшись, перед огнем.

Со мной отцовские тревоги
И горы в дымчатых снегах.
Я думаю о людях многих,
О подвигах и о стихах.

И кажется:
ущельем горным
Летит гнедой гривастый конь.
Не предаваясь мыслям черным,
Смотрю я молча на огонь.

КАМНИ

Черты камней между собой не схожи,
И в этом убеждаюсь я опять:
Светло речушки каменное ложе,
Темна утеса каменная стать.

Дома из камня сложены в ауле,
И в перестрелке,
бог ему судья,
За камнем горец прятался от пули,
Под сердце чье-то мушку наведя.

Был камень всем: и кремнем и огнивом,—
Его вставляли в золото силком.
И с давних пор знакомо желтым нивам,
Как точат серп брусчатым оселком.

Родившийся в руках каменотеса,
Мне виден жернов, белый от муки.
Стоят в реке,
шагнув в нее с откоса,
Мост подперев, гранитные быки.

Жар очага,
так повелось от века,
Нагревшись, камень долго бережет,
А ставший в изголовье человека
Надгробный камень холоден, как лед.

Когда лучи в аульских окнах меркнут,
В косматой шубе за полдень привык
На камне, как нахохлившийся беркут,
До звезд сидеть на площади старик.

Я старика приветствую седого,
И мне известно, что его судьба,
Годами опаленная,
сурова,
Как на каменьях горская резьба.

КАЛИНА

Поздний пламень, подобный кармину,
Как я рад тебе, милый ты мой!
Привезли мне в подарок калину
Из Чегемского леса зимой.

Словно вижу зарю на рассвете
Рядом с детством у края небес,
Пастушонка в дырявом бешмете
И лохматые морды овец.

Летом грозди калина калила,
А зимой,
позабыть ли могу,
Под моими ногами калина
Багровела на белом снегу.

Помню, как закружилась долина,
Я в атаке упал на бегу,
Показалось: не кровь, а калина
Заалела на белом снегу.

Я у горского греюсь камина,
Красный отблеск на стеклах окна,
И на скатерти белой красна
Из Чегемского леса калина.

* * *

Люблю людей, их радости приемлю,
Не обойду печали стороной.
Люблю я зеленеющую землю,
Омывшуюся голубизной.

Мне до былинки этот мир завещан,
Люблю его и долы и леса,
Со звездами пленительнейших женщин
Соперничающие глаза.

* * *

Кто-то песню ту же самую
Напевает в тишине,
Что и мне когда-то мамою
Пелась в горской стороне.

Дождь ли, полночь ли метельная,
Звезды ль на небе видны,
Льется песня колыбельная,
Как извечный свет луны.

* * *

— Чтобы стать счастливым,
много ль надо? —
Как-то раз спросила ты в упор.
Я смотрел, не отрывая взгляда,
На вершины гор.

— Чтобы стать счастливым,
много ль надо?
Мой ответ не красное словцо:
Я смотрю, не отрывая взгляда,
На твое лицо.

* * *

Каждую улочку знать невозможно,
Скромным и тихим, им нету числа.
Улочка та,
на которой живешь ты,
Словно неведомая была.

Но оказалась ты девушкой славной,
И для меня,
признаюсь не тая,
В городе улицей сделалась главной
Улочка маленькая твоя.

В дверь твою сердцем стучусь у порога;
Обыкновенный, в полсотню венцов,
Дом для меня твой дороже намного
Всех ослепительнейших дворцов.

ЖЕНСКАЯ КРАСОТА

Очарованный с давних пор,
Поклоняюсь тебе неспроста,
Схожая с высотой гор,
Женская красота.

Ах ты женская красота,
Распрекрасная без прикрас,
Как над бездною высота,
Закружившая нас!

О, когда б ты исчезла вдруг,
Не страшна мне была б слепота!
Ты над сердцем замкнула круг,
Женская красота.

Словно снег на холме, что сед,
Ты возвышенна и чиста.
Я твой город, а ты мой свет,
Женская красота!

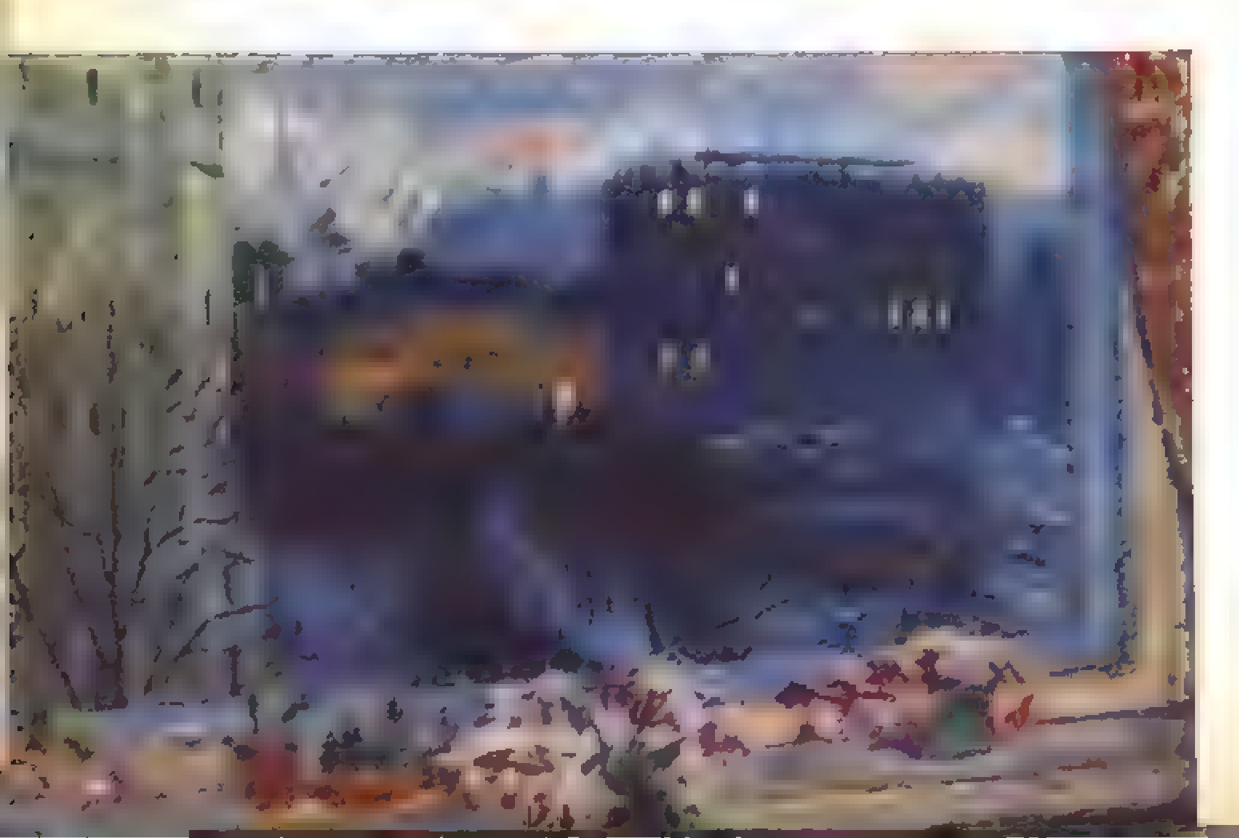
Был я ранен тобой стократ,
Но не охал и не стонал,
Под огнем твоим, как солдат,
Мужественно стоял.

Несказанны цветы лугов,
Но тебе и они не чета,

В. Зазерская (Кишинев). УРОЖАЙ

М. Хошмухамедов (Душанбе). У РОДНИКА. НОВАБАД.

А. Пихельга (Таллин). ВИД ИЗ ОКНА.

Затмевающая богов
Женская красота.

Время царствам давало бой,
Но солдаты его — лета
На коленях стоят пред тобой,
Женская красота.

* * *

Порою смысл в надгробной речи
есть ли,
Зачем она умершему, к чему,
Душевных слов вы не успели если
Сказать за годы многие ему?

Как часто не хватает добрых
слов нам!
Они волшебны, добрые слова!
И в холода нас согревают,
словно
Кизиловые пылкие дрова.

Ростков не даст до времени
зерно вам:
Согреть земля должна его
сперва.
Чтоб высечь пламя, и сердцам
кремневым
Необходимы добрые слова.

КИНЖАЛ

Ты, выкованный мастерами,
Добру служил и злу служил,
За что в аулах матерями
Благословен и проклят был.

Сражал врага земли родимой,
Но и героя наповал
Рукой злодейской иль ревнивой
Ты, выхваченный, убивал.

Кружился ворон над убитым,
На весь аул рыдала мать.
К картинам этим незабытым
Причастен ты по рукоять.

И не тебя ль, когда был молод,
Носил отец мой на ремне?
Тобой в горах мой брат заколот.
Два чувства будишь ты во мне.

Двух этих чувств пойми причину
И за нее не обессудь:
Тебя вонзала храбрость в грудь,
А трусость всаживала в спину.

Сталь боевая обнажалась,
Холодная,
была пряма,
А в ней то солнце отражалось,
То кровью запекалась тьма.

То был ты славен, то ничтожен,
В зависимости от того,
Кто вырывал тебя из ножен
И убивал тобой кого.

Порой ты беден был, но страшен
Своей чеканной простотой.
Порой насечкой был украшен
И рукоятью золотой.

Но там, где рек кипят истоки,
Тебя ковавший уповал
На то,
чтоб ты, судья жестокий,
Безвинного не убивал.

Но самому тебе учесть ли,
Сколь раз в минувшие века
Неволила,
защитник чести,
Тебя бесчестная рука?

Я к равнодушным не причислен,
Иную славу я стяжал.
Ты дорог мне и ненавистен,
Кавказский кованый кинжал.

* * *

Солдат от боли умер до заката.
Ладонью даже сердце не
прикрыл.
А я преемник этого солдата,
Который вас так преданно
любил.

Как тот солдат, погибший в
чистом поле,
Я вас люблю до слез.
И потому
Я ваше сердце заслоню от боли:
Пусть будет больно сердцу
моему.

КУМЫС

Морхаджи НАРМАЕВУ

Был горизонт, как тетива,
Лучи жары, как стрелы, были.
Казалась войлоком трава,
И несся вихрь дорожной пыли.

И мы вошли в калмыцкий дом,
Платками вытирая лица.
И было слышно в доме том,
Как в поле ржала кобылица.

Кумыс нам подали.
Следа
От жажды не осталось скоро.
Студен кумыс был, как вода
Высокогорного Терскола.

И голубел небесный лик,
Полет венчая соколиный...
Будь счастлив,
друг степей калмык,
Кавказских гор сосед старинный!

Я ВЕРНУЛСЯ С ГОР

Вдохнувший снега вечного
И синевы озер,
Домой июльским вечером
Я возвратился с гор.

Еще клубилось облако
Косматое во мне,
И с ветром рука об руку
Я шел по крутизне.

Где горизонта линия
Лежит на гребнях гор,
И солнцем был и ливнем я,
Листвы вздымал шатер.

Был я волной чегемскою,
И, словно горный склон,
В зеленую черкеску я,
Казалось, облачен.

Будила вновь заря меня,
И в утренних лугах
Нес вместе с косарями я
Росу на сапогах.

И там, где тропы вклинены
В клубящийся туман,
Я пил из кружки глиняной
Целительный айран [1].

Во мне звучали выстрелы,
Цвели во мне,
чисты,
На каменистых выступах
Рожденные цветы.

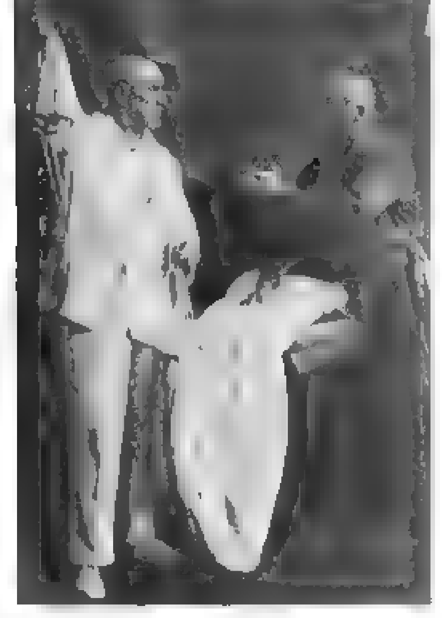
Во мне вершины гордые
Венчал весь звездный рой,
Когда вернулся в город я
Вечернею порой.

Перевел с балкарского
Я. Козловский.

---

[1] Кислое молоко.

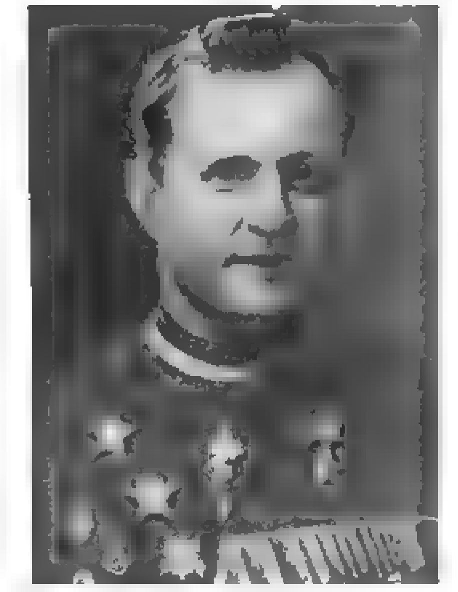
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПАРАШЮТИСТОВ

Г. Е. Котельников (слева) демонстрирует свой стабилизирующий парашют.

Председатель Всесоюзной парашютной секции в большом затруднении: тридцатого января — день рождения трех выдающихся спортсменов, и все они приглашают в гости.

Надо же случиться такому совпадению!

В 1893 году тридцатого января родился мастер спорта Алексей Александрович Белоусов. Его по праву считают одним из старейших парашютистов страны. Свой первый прыжок участник гражданской войны комбриг Белоусов совершил в сорокалетнем возрасте, а последний, 270-й, в день своего шестидесятипятилетия.

В. Г. Романюк

Алексей Александрович возглавлял парашютную службу лесного хозяйства. Вместе со своими друзьями, воздушными пожарными, он побеждал огненную стихию в лесах Урала, Восточной Сибири, Якутии, Крайнего Севера...

Недавно Международная авиационная федерация за высокие личные спортивные успехи и многолетнюю плодотворную работу по развитию воздушного спорта наградила А. А. Белоусова почетным дипломом Тиссандье. Советскому авиатору присвоено звание международного арбитра по парашютному спорту.

В качестве судьи А. А. Белоусов не раз фиксировал рекорды Василия Григорьевича Романюка, к слову сказать, родившегося тоже тридцатого января. Имя Романюка известно во всем мире: он первым выполнил двухтысячный и трехтысячный прыжки с парашютом. Герою Советского Союза В. Г. Романюку тридцатого января исполнится пятьдесят два года, и он по-прежнему полон энергии, готовится к штурму новых рекордов.

А. Н. Скопинова

Третий парашютист, у которого тридцатое января — день рождения, это молодой инженер Алла Николаевна Скопинова. Ей исполнится тридцать лет. Три года назад она первой среди женщин совершила тысячный прыжок с парашютом. Ей принадлежит несколько мировых рекордов.

Итак, три именинника: А. А. Белоусов, В. Г. Романюк и А. Н. Скопинова. К кому пойдет в гости председатель парашютной секции?

Думается, что он будет избавлен от тяжелых сомнений: именинники соберутся за одним столом, ведь они большие друзья.

Добрым словом будет помянут на вечере и конструктор парашютов Глеб Евгеньевич Котельников. Изобретатель первого ранцевого парашюта, он тоже родился тридцатого января. Это было девяносто лет назад. Его изобретению прошлой осенью исполнилось полвека.

А. А. Белоусов

Урожайным для советского парашютизма стало тридцатое января, поистине день рождения парашютистов. Это, конечно, случайность. Но не случайно, что в нашей стране спорт мужественных и ловких стал подлинно всенарод-

И. ЛЕМБЕРИК

Вы с ними зн

Л. ЛЕРОВ, специальный корреспондент «Огонька»

5. На трудном поле

Нет, я еще не передал все московские приветы! Их много, и это очень радует: у советских людей завязывается все больше личных знакомств с венгерскими друзьями. Теперь надо ехать на запад, в село Вашшурань, в сельскохозяйственный кооператив «Венгеро-советской дружбы». Председателю этого кооператива Яношу Липичу я везу привет из подмосковного колхоза имени Горького. Летом он гостил в этом колхозе и потому хотел бы узнать все новости о нем. Но, увы, я, к сожалению, могу ответить далеко не на все его вопросы. Однако на один ответ был дан исчерпывающий: «Да, предсъездовские обязательства колхоз выполнил».

Янош Липич слушает меня и почесывает затылок.

— Ну что ж, значит, проспорил...— И, уловив недоумение собеседника, разъясняет: — Тогда, летом, я сказал председателю колхоза, что, на мой взгляд, он уж очень смело замахнулся в своих обязательствах. И мы как бы пари заключили. Вот и выходит: проспорил я... Ну, а теперь вы спрашивайте — что вас интересует? Только учтите, наш кооператив не из тех, что стоит в первом ряду.

Мне уже говорили об этом в Будапеште коллеги, знатоки [redacted]

— Конечно, если вам нужно передать привет,— это другое дело. Но там, в Вашшурани,— кооператив-середняк. А у нас уже есть немало, как вы говорите, маяков, которых не только Венгрия знает. Вы, может быть, слышали про Надькуншаг. Об этих диких степях когда-то писал Жигмонд Мориц, выдающийся венгерский прозаик: «Бо́льшая часть здешних земель не может даже вернуть того, что посеяно». И именно тут уже в конце сороковых годов появились первые в стране крупные кооперативы: «Красная звезда» — в Туркеве, «Таньчич» — в Карцаге. Пионеры, они и сегодня задают тон. А человек, стоявший у колыбели «Красной звезды», Пал Лошонци, ныне министр земледелия.

Янош Липич.

Или вот известный в Венгрии большой кооператив «Виразго». Председательствует там бывший бедняк Иожеф Ходек. Стоит рассказать о том, как он стал председателем. В декабре сорок девятого тамошние крестьяне решили создать кооператив. На собрание пригласили и Ходека. Он первым попросил слово и самым решительным образом заявил: «Я против! Ничего хорошего в этом деле не вижу». Иожеф добился своего: посеял зерна сомнений. Создание кооператива отложили. Но вскоре снова гудело собрание и снова бушевали крестьянские страсти. И все же решили объединиться. А кого в председатели? Тогда кто-то предложил кандидатуру Ходека, хотя тот и отсутствовал на собрании. «Позвольте, как же Ходека, да он же самый ярый противник кооператива...» «Так это было давно. А теперь ему стыдно за те речи... Поэтому он и на собрание не пришел». Судили-рядили и председателем избрали Ходека. Десять лет назад имущество кооператива составляло 70 тысяч форинтов, сейчас — более 5 миллионов. В расчете на сто хольдов здесь выращивают в два раза больше пшеницы, получают в четыре раза больше мяса и в три раза больше молока, чем в прежних единоличных хозяйствах. Что же касается Иожефа Ходека, то он теперь вице-президент совета кооперативов всей Венгрии.

...Но нам пора вернуться в Вашшурань, к Яношу Липичу. Мы застанем его теперь на хозяйственном дворе: гость гостем, а дело делом! Высокий, сухощавый, подвижный и громкоголосый, он стоит в окружении крестьян, живо комментирующих рассказ председателя. Как всегда бывает в таких случаях, дело не обходится без шуток и острых слов. Сейчас в оборот взят свинарь Альберт Дьюла — большой, как мне сказали, чревоугодник.

— У нас на селе,— улыбается Липич,— раньше говорили, что крестьянин ест курятину лишь в случае болезни: если болен он сам или его курица. И вот гляжу я на нашего Альберта и все думаю, какой он у нас хворый. Каждый день курятину ест...

В разговор вступает Шандор Нехер, дояр, которого все здесь ласково зовут Шани.

— Смотрите, оказывается, наш свинарь отлично разбирается в тонкостях кулинарии.— И Шани весело хохочет.— Курятина, говорите...

— А что тебе так весело, Шани? Лучше расскажи уважаемому корреспонденту, как ты вышел из кооператива и потом христом-богом молил, чтобы тебя опять приняли. Что же ты молчишь, Шани, миленький?.. Ну, живей рассказывай... И как в корчме кулаки тебя обрабатывали: «Пропадешь, Шани, в кооперативе».

За Шани вступается Янош Липич:

— Хватит! Было и прошло. Довольно!

Все расходятся. Мы с председателем идем на скотный двор.

— Наш край в старину называли проклятым краем.— Липич говорит быстро, отрывисто.— Почти вся земля тут принадлежала помещику Рудольфу Паценкоферу. А мы батрачили на него. И дед, и отец, и я, и десять моих братьев. В день я получал шестьдесят филлеров — пачка сигарет... Тринадцать человек жили в одной комнате. Работали с рассвета дотемна, а света по-настоящему и не видели. Так до сорок пятого года, до земельной реформы. Вот это был свет, всем светам свет... Впервые в жизни мы получили землю в собственное владение. Радости было много. Настроение отличное. А потом началась смута. От богатеев поползли слушки: чего, мол, радуетесь? Про кооперативы слышали? Все равно не хозяйничать вам на нашей земле... Я тогда уже был на партийной работе. Это в пятьдесят девятом земляки предложили мне вернуться в родное село. «Давай,— говорят,— возвращайся и председательствуй!» А я считаю так, что никуда и не уходил отсюда. По долгу партийного работника всегда был рядом с земляками, в Вашшурани. И вместе с ними против всякой кривды бился.

В рассказе Липича встают страницы очень трудной биографии кооператива. Создавался, разваливался и вновь возрождался... Люди вступали в кооператив, горячо брались за работу, а на крутых поворотах иных опять к старому тянуло. Только несколько батрацких семей — костяк — никто не мог свихнуть с пути истинного. И еще вспоминает Липич, как им, партийным работникам, приходилось охлаждать горячие головы: «Терпение, товарищи. Силком крестьянина в кооператив не загонишь. Делом докажите ему, как выгоднее хозяйствовать. Делом убедите крестьян».

— И мы убедили их,— рассказывает Липич.— И Шани, и Дьюлу Альберта... Вы знаете, что Шани теперь один из лучших дояров на нашей ферме. Между прочим, он недавно продал свою корову, говорит, что так выгоднее: в кооперативе молоко дешевле, покупай сколько угодно, и никаких тебе хлопот.

Липич показывает нам хозяйство кооператива, машинный парк («Есть тут у нас и тракторы «Беларусь»), животноводческие фермы («Ваш опыт хотим перенять — «елочку»), знакомит с кукурузоводами («Главная наша опора!») и вдруг спохватывается:

— Тьфу ты, господи! Забыл вам про самое важное рассказать. Вы знаете, почему наше хозяйство называется кооперативом «Венгеро-советской дружбы»?

И вот узнаем. Узнаем про то, как помогали кооперативу советские воины, те, кто нес службу в Венгрии. Нашлись среди них и агрономы, и зоотехники, и трак-

---

Окончание. См «Огонек» №№ 2 и 4.

акомы

Фото Тибора Фаркаша.

Шани.

тористы, и были они желанными гостями в Вашшурани. Пришел такой гость к Шани на ферму и помог ему рацион кормления коров составить. А через несколько дней спрашивал:

— Ну как, друг, коровы поживают?

— Отлично! Почти на два литра удой увеличился.

Солдат-то оказался неплохим животноводом, коллегой Шани. Стоит ли удивляться тому, что однажды крестьяне предложили переименовать свой кооператив в кооператив «Венгеро-советской дружбы». В знак той дружбы, что завязалась с агрономами и зоотехниками в солдатской форме. Да и не только той.

...Над живописной Вашшуранью уже угасал холодный осенний закат. Из-за холмов ползли сумерки и, клубясь, подымался седой туман. Где-то вдали тарахтел трактор. По дороге не спеша трусила лошаденка. Приветливо вспыхнули огоньки в крестьянских домах. Мы идем по улице, застроенной новыми каменными домами — в селе после войны каждый четвертый построил себе дом. Заглянули в один из них. Современная мебель, стиральные машины, радио, телевизоры, полки с книгами, а на дворе — мотоцикл, велосипеды. В любой семье члена кооператива приметишь, что значит получить 17 центнеров пшеницы с хольда в засушливый год.

Янош Липич называл мне в тот вечер много всяких других цифр. Но я не записал их. Главное уже было занесено в блокнот — «показатели» большого «урожая» на самом трудном поле, там, где перепахивают человеческие души. Конечно, еще не все сорняки на том поле истреблены, и старое, как репей, лепится к новому.

— Но за своих я уже не беспокоюсь. А вот соседи как...— И в голосе Яноша прозвучали тревожные нотки.— Есть в Вашшурани еще один кооператив. Его создали сравнительно недавно. Туда пошли крестьяне куда побогаче наших,— они раньше в стороне стояли и подтрунивали над голытьбой. А нам с ними объединиться надо. Не знаю, как поведут себя. Хочу верить, что правильно поймут нас. Мы люди терпеливые, будем разъяснять, будем искать дорогу к их сердцу. Думаю, что найдем ту дорогу. Обязательно найдем, не сомневаюсь...

Сказано это было твердо, решительно, с полным сознанием той большой силы, которую уже обрели венгерские кооперативы.

— Самое трудное позади. Теперь надо браться за культуру земледелия.

И Янош Липич, бывший батрак, которого партия научила смотреть куда дальше Вашшурани, говорил о том же, о чем в Будапеште говорил мне старый коммунист Иштван Томпе, первый заместитель министра земледелия Венгрии. Я долго беседовал с ним перед поездкой в деревню. И сейчас, перечитывая запись этой беседы, еще раз вспоминаю Вашшурань, Яноша Липича, дядю Шани, Дьюлу Альберта, все пережитое и достигнутое ими.

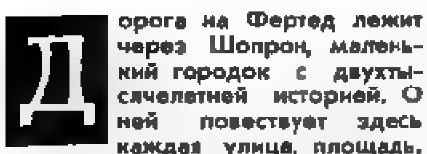
— Наша партия,— говорил Томпе,— вела борьбу с левыми, когда те хотели силой загнать крестьянина в кооператив, и с правыми... Имре Надь объявил: кто не хочет быть членом кооператива, пусть уходит, и, по существу, стал разгонять кооперативы... Разгромив контрреволюцию, правых и левых, партия взяла курс на кооперирование крестьянских хозяйств. В ту пору нам очень помог Советский Союз. И машинами, и строительными материалами, а главное, [redacted]

Иштван Томпе рассказывал, в частности, и о некоторых особенностях венгерских кооперативов — о приусадебных участках, системе оплаты труда.

— Мы понимаем: кое-что тянет нас к прошлому. Но надо быть диалектиками и учитывать обстоятельства сегодняшней жизни венгерской деревни. Однако в главном, решающем сделан широкий шаг вперед. Венгерский крестьянин убедился, что дорога к хорошей жизни лежит через кооперативы, им принадлежит уже 95 процентов земель. Минувший год был очень тяжелым — засуха. Но трудолюбивому земледельцу в кооперативе и засуха была не страшна. В среднем мы получили более десяти центнеров с хольда, а в госхозах — более пятнадцати. Никогда не было такого в истории венгерской деревни. Но я хотел бы вам сказать и о ее заботах и о ее надеждах.

...Чуть ниже в моем блокноте жирно подчеркнуты четыре слова: наука, химизация, механизация, кадры. Это и есть заботы и надежды. И тут же два географических пункта: Фертед, Мартонвашар.

6. В бывшем дворце Эстерхази

Дорога на Фертед лежит через Шопрон, маленький городок с двухтысячелетней историей. О ней повествует здесь каждая улица, площадь, дом. Когда идешь по узким улицам Шопрона, любуешься изящными домами времен короля Матиаша, или старинной, 1290 года рождения церковью с чертами французской готики, или городской башней, гармонично сочетающей ренессанс и барокко, или с улыбкой разглядываешь самый маленький дом в Европе (так утверждают горожане), шириной всего в два метра, то кажется, что ты пробираешься сквозь толщу веков...

Шопрон лежит у самой границы с Австрией. На западе к нему примыкают отроги Альп, на востоке — совсем близко — озеро Фертё, часть которого принадлежит соседней стране. Мои спутники и коллеги сообщают все эти географические подробности не без умысла. Дело в том, что Фертед, куда мы держим путь,— бывшая резиденция князей Эстерхази, последний отпрыск которых в пору мятежа 1956 года бежал в Австрию. Тогда, в дни разгула контрреволюции, князь попытался было отобрать у венгерских крестьян принадлежавшие ему 140 тысяч хольдов земли, которые в 1945 году по праву перешли к тем, кто их обрабатывал. Князю был дан поворот от ворот. Крестьянин еще раз проголосовал за народную демократию, и притом весьма убедительно. Что же касается разгневанного князя, то он тогда излил всю свою злобу на австрийских крестьян: владелец крупных поместий и в Австрии, Эстерхази тут же приказал изъять у крестьян землю, которую в свое время милостиво сдал им в аренду...

— И кто знает,— шутит мой коллега,— может быть, в ясный, солнечный день князь из своего поместья, где-то тут, недалеко от границы, пытается разглядеть в бинокль: «А что там происходит сейчас в моем дворце?» Любопытно ведь...

Что ж, попытаемся удовлетворить любопытство князя, ибо, выражаясь языком радиокорреспондентов, мы ведем свой репортаж именно оттуда, из бывшего дворца Эстерхази.

...Дворец Эстерхази называли «венгерским Версалем». И не только потому, что строился он по образцу версальского дворца. Своим великолепием, пышным убранством он действительно соперничал с резиденцией французских королей. Да и не только убранством. Первый его владелец говорил сам о себе: «Что может король, могу и я». Увы, он отнюдь не преувеличивал свои воз[redacted]и...

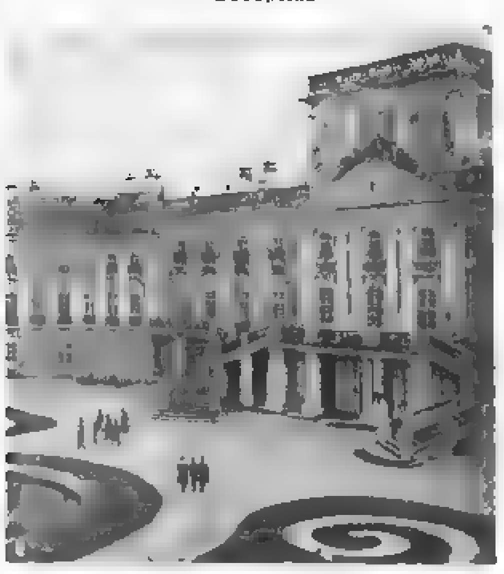
Но уж коль скоро мы заговорили об истории дворца, то прочтем еще одну ее страницу. Здесь в течение многих лет дирижировал дворцовым оркестром великий Гайдн. Тут созданы им сотни произведений, и многое напоминает о лучшем периоде творчества композитора. Все, что связано с Гайдном, бережно хранится в залах, отданных музею. С чувством трепетного благоговения ходили мы по этим залам, рассматривая сохраненные для человечества драгоценные реликвии. Нам приятно было услышать, что там, где Гайдн со своим оркестром выступал перед княжеской камарильей, ныне частенько устраиваются концерты для туристов и крестьян окрестных деревень.

Музей занимает лишь среднюю часть дворца. Два его крыла отданы людям, причастным к нынешним судьбам венгерской де-

Памятник Бетховену в Мартонвашаре.

Этот дворец принадлежал князьям Эстерхази.

ревни. В правом — веселый гомон слушателей только что открывшейся сельскохозяйственной школы — они пришли сюда после гимназии и через два года уйдут отсюда надежными помощниками председателей кооперативов; в левом — тишина лаборатории научного института, царство ученых, пытливо ищущих новые сорта яблок и винограда, кукурузы и пшеницы...

Обо всем этом нам рассказывает один из руководителей института, Ференц Беке, представитель старого поколения ученых. Он отвечает на наши вопросы неторопливо, иногда и вовсе умолкает, погружаясь в какие-то свои мысли, что-то взвешивая, сравнивая...

— Подавляющее большинство сотрудников нашего института — молодежь, окончившая университет уже после войны. Есть среди них и такие, которые, с моей точки зрения, удивительным образом сумели окончить одновременно две высшие школы.

— Одновременно? Каким образом?

— Я вас познакомлю с Дюлой Андраши. Сын крестьянина, он поступил в наш институт простым рабочим. Работал на поле. Работал и окончил гимназию. Потом работал и окончил университет. Но к тому времени, когда Дюла начал учиться в университете, он, я это утверждаю, по существу, на практике уже закончил его... Теперь вам понятна моя мысль? Сейчас Дюла Андраши — один из самых способных сотрудников нашего института. Или Иожеф Мартон... Закончив университет, работал в сельскохозяйственном кооперативе. Затем — у нас. Вел большие исследования, а продолжил их снова в кооперативе: вернулся в отчий дом... Вот вам ответ на ваш вопрос — приметы нового в венгерской науке...

Беке называет села, кооперативы, где силу союза науки и практики уже можно оценить в форинтах: доходы коллективного хозяйства крестьян удвоились, утроились...

— У нас нет целины. И нам остается один путь — машины, химия.— И тут же Беке, связывая одну мысль с другой, сообщает нам:— Минувшим летом я был в вашей стране.— Мы слышим знакомые фамилии: академики Кириченко, Лукьяненко.— В Одессе я долго беседовал с Кириченко о теоретических проблемах селекции. Он очень оригинально, остро и смело ведет свои исследования. Это была весьма интересная для меня беседа. Я ведь тоже занимаюсь пшеницей.

И снова вспомнился разговор в министерстве, с Томпе. «Если поедете в Фертед,— советовал он,— обязательно познакомьтесь с Ференцем Беке. Отличный селекционер, лауреат премии имени Кошута. К сожалению, многие наши ученые еще работают устаревшими методами. Беке — приятное исключение. Он все время ищет нехоженые дороги. Ему удалось создать новый сорт высокоурожайной пшеницы, которую легко убирать комбайнами».

Наш собеседник более скромно оценивает свой труд. Поначалу он даже как-то нехотя говорил о нем:

— Пока занимаемся экспериментами. Новый сорт проверяем в одном из кооперативов. Год этот не баловал нас дождями. Однако получили хороший урожай,— посмотрел на нас и улыбнулся.— Конечно, это был приятный сюрприз, обнадеживающий. Мы предложили и новый сорт кукурузы. Думаем потягаться с Мартонвашаром...

7. Эмоции и пшеница

Мартонвашар! Это и географический пункт, где находится сельскохозяйственный институт Академии наук, и название одного из распространенных в Венгрии сортов кукурузы. Вы, конечно, поняли: одно связано с другим...

Но Мартонвашар известен не только в Венгрии и не только своей причастностью к «королеве полей».

Право же, удивительное это совпадение, можно подумать, что ученые-агрономы только там и могут творить, где каждый клочок земли хранит память о великих композиторах мира. В Фертеде — Гайдн, а здесь — Бетховен. В Фертеде Ференц Беке почел своим долгом, прежде чем рассказывать историю нового сорта яблок, поведать историю «Прощальной симфонии» Гайдна. В Мартонвашаре директор института Шандор Райки в первые же минуты нашего знакомства твердо и решительно заявил: «О кукурузе и пшенице потом. Сперва о Бетховене». И повел нас в чудесный лес-парк с его колдовскими красками поздней осени.

— Здесь Бетховен гулял с Терезой Брунсвик, своей «бессмертной возлюбленной». Здесь рождалась «Лунная соната». Смотрите: каменная скамья, на которой

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

Поздно вечером председатель ГубЧК вернулся с очередного заседания Саратовского губисполкома. Едва он вошел к себе в кабинет, секретарь протянул ему телеграмму. Председатель быстро прочитал ее, потер ладонью лоб и вздохнул:

— Придется подождать.

Он сел за стол и углубился в бумаги. Было уже за полночь, а он все сидел и работал, время от времени посматривал на часы. Близился рассвет, когда наконец-то пришла телеграмма: «Золотой эшелон следует направлении Саратов».

Было 4 часа 30 минут утра. Молча расселись вокруг стола чекисты. Лица серые от недоедания, глаза воспалены от бессонных ночей.

— Эшелон с золотом в пути, — объявил председатель. — Мы не должны спускать с него глаз. Действуйте в точности так, как договорились.

Вскоре поступила еще одна телеграмма. Председатель подошел к карте.

— Чижи, Чижи..., — проговорил он вслух. — Что же, примем меры!

И тут же начал отдавать распоряжения так быстро, что секретарь едва успевал записывать.

— Пошлите комиссару 26-го разведывательного авиаотряда срочную телеграмму... Вызовите к 9 часам утра председателя ДорЧК... Соедините по телефону с командующим Саратовским гарнизоном... Затем с начальником дороги... Проверьте, все ли оперативные автомашины заправлены...

А в это время за сотни километров от Саратова, в заволжском селе Чижи, офицеры штаба белоказачьей армии, закончив разработку плана захвата железнодорожной линии Уральск — Саратов, радушно встречали прибывшую из Петрограда под чужой фамилией бывшую княгиню Путятину и новое пополнение из числа кулацких элементов.

Путятина привезла много чистых бланков советских документов, печати и деньги. Разведчицу интересовало золото, конфискованное большевиками в Уральске, и штаб должен был помочь ей обосноваться в этом городе.

Получив подкрепление и оружие, белоказачьи армии в марте 1919 года активизировали свои действия по всему фронту и начали окружать город Уральск, стремясь отрезать его от нашей 4-й армии. Свободным оставался только выход из города в районе железной дороги, но и на нее противник де- [illegible]

В этот напряженный момент Уральский ревком на экстренном заседании принял предложение саратовских чекистов немедленно эвакуировать банковское золото и другие ценности, свезенные ранее в город белогвардейцами. Командование Уральской группы советских войск приказало Саратовскому и Покровскому коммунистическим отрядам, которые возглавляли большевики Иванов и Куницын, выступить из Уральска для охраны железной дороги и разбить скопившиеся в Чижах свежие белоказачьи части.

Ночью вагон с золотом в смешанном поезде был отправлен из Уральска. Ревком поручил доставить его в Москву девяти чекистам. Старшим был назначен бывший железнодорожник Дмитрий Андреевич Шабалин. Ему же поручалось доставить в Москву, в ВЧК, схваченную в Уральске белогвардейскую разведчицу княгиню Путятину.

Поезд шел быстро. На подходе к станции Семиглавый Мар со стороны села Чижи из-за холмов показались белоказаки. Завязался бой. Чекисты открыли по ним огонь. Но казаки не отступали. По стенам вагонов барабанной дробью хлестали пулеметные очереди. Вблизи вагонов рвались гранаты. В это время впереди паровоза неожиданно появился самолет. Это шел на выручку 26-й авиаразведотряд. На головы белоказаков посыпались бомбы. Поезд без остановки пролетел разбитую станцию Семиглавый Мар.

Далеко позади осталась линия фронта. День сменила ночь. Вскоре вдали замелькали огоньки станции Покровск. Чекисты, охранявшие золото и арестованную, облегченно вздохнули.

Из Покровска вагон с золотом под усиленной охраной переправили через Волгу в Саратов. Здесь его прицепили к скорому поезду Саратов — Москва.

Жизнь на колесах протекала в бесконечной тревоге. Чекисты не знали ни сна, ни отдыха. Много хлопот доставляли стоянки, особенно на крупных станциях. В то время на транспорте орудовало немало вредителей, бандитов, спекулянтов, жуликов. Не раз чекисты преграждали вход в вагон [illegible]рам».

На станции Козлов вагон внезапно отцепили, и маневровый паровоз, весь обросший сосульками, погнал его на запасный путь. Шабалин потребовал от начальника станции немедленно отправить [illegible]е.

— Путь небезопасен! — был ответ.

— Здесь тоже небезопасно,— настаивал Шабалин.

Но все-таки вагон продержали на станции всю вторую половину дня.

— Федор! — обратился Шабалин к своему заместителю Федору Вагнеру. — Может, ты сходишь, выяснишь? Не нравится мне эта стоянка...

Молодой чекист, которому было поручено охранять документы, проверил наган, гранаты-лимонки, что лежали в портфеле с документами, зажал портфель покрепче под мышкой, выпрыгнул из вагона и зашагал по скрипучему снегу к вокзалу.

Это был типичный вокзал тех лет: весь в пятнах, грязный, прокопченный и заплеванный. Федор, ловко лавируя в зале ожидания между узлами, мешками и людьми, лежащими вповалку прямо на полу, пробирался к военному коменданту.

Через полчаса после его ухода вагон неожиданно выдвинули на главный путь, прицепили к поезду, и тот через минуту тронулся.

Шабалин проверил, все ли на месте. Не было Федора. «Может быть, в соседний сел. Подожду немного», — подумал он. Но Федор не появлялся. Шабалин прошел через весь состав. Федора нигде не было.

Что же теперь будет? У Федора остались все документы. Как сдавать золото и арестованную? Как на всю эту историю посмотрит Дзержинский?

Поезд все ускорял и ускорял

он любил отдыхать, а там, вдали, памятник — статуя композитора. Здание нашего института — это бывший дворец графов Брунсвиков. Часть комнат отдана музею, где сохранились бетховенский рояль, его вещи, книги, ноты...

А вот и зеленый островок, куда ведет нас Райки. Тут, пожалуй, самый прекрасный и поистине нерукотворный памятник великому человеку, вся жизнь которого, по выражению Роллана, была «похожа на грозовой день». Перед нами огромный, на две тысячи слушателей, концертный зал под открытым небом.

— Летом,— рассказывает Райки,— сюда приезжают лучшие дирижеры Будапешта и Вены — талантливые исполнители произведений Бетховена. Эти концерты привлекают тысячи любителей музыки—из столицы и ближайших сел и городов. Очень много иностранных туристов из Австрии, Чехословакии — там уже весной появляются афиши, приглашающие на традиционные концерты в Мартонвашаре.

...Мы молча шагаем по тихим, безлюдным аллеям парка. Порывистый ветер буйно гуляет по кронам гигантских буков, и кажется, что в шумном их говоре звучат аккорды «Аппассионаты».

Однако, кажется, пора уже проститься с миром муз — вдали мелькнули огоньки небольшого домика, и Шандор Райки тут же пересаживается на любимого [illegible]

— Там находится наш отдел генетики, где тоже рождаются симфонии — симфонии полей. И я и Эрна Ивановна, мы занимаемся проблемами...

Стоп! О проблемах, которые решают Шандор и Эрна Ивановна,— чуть позже. А пока знакомьтесь: москвичка Эрна Ивановна, питомица Тимирязевской академии, а Шандор Райки — бывший аспирант этой академии. Судьба свела его с Эрной Ивановной на ниве науки, на кафедре, руководимой Т. Д. Лысенко,— там они вместе работали, там и подружились. Чем кончилась эта дружба, вы уже, наверное, догадались.

Шандор Райки готовит сейчас докторскую диссертацию. Кандидатскую он защищал в Москве на русском языке. Эрна Ивановна пишет кандидатскую диссертацию, которую будет защищать в Венгрии на венгерском языке.

Вот теперь можно переходить и к тем исследованиям, которыми заняты супруги Райки: Шандор рассказывает об этом с увлечением, иногда даже запальчиво, усиленно жестикулируя длинными руками. Эрна Ивановна безуспешно пытается охладить пыл ученого: «Шандор, зачем столько эмоций?» Но Шандор, видимо, принадлежит к той, на мой взгляд, лучшей части ученых, которые без эмоций не могут, и если уж что-то делают и о чем-то рассказывают, так обязательно с темпера[illegible]

— Мы занимаемся выведением новых сортов пшеницы и кукурузы,— сообщает Шандор Райки.

И тут же яростно обрушивается на каких-то своих оппонентов, вспоминая ожесточенные споры о том, как быстрее получить сорт пшеницы с крепким стеблем.

— Меня поддержали госхозы и товарищи из сельскохозяйственного отдела ЦК ...Мы дали бой консерваторам.

И директор рассказывает, как он выступал в госхозе со своим программным докладом и как собравшиеся там сотни знатоков земли после бурных дебатов признали: «А ведь Райки предлагает правильный путь».

— Он у нас страшный спорщик,— улыбается Эрна Ивановна.— Ершистый и упрямый...

— Не упрямый, а принципиальный,— поправляет Шандор.— Легче, конечно, всегда со всеми соглашаться. У нас в семье никогда не уважали таких.

Стоит несколько слов сказать об этой семье. Бабушка — ей сейчас за восемьдесят — в 1919 году шла во главе демонстрантов с высоко поднятым красным знаменем. Отец во время первой мировой войны попал в плен к русским и воевал в рядах Красной Армии. В конце 1918 года вернулся домой, и земляки избрали его председателем Дома рабочих. Они все трое, супруги Райки и их сын Шандор, почти одновременно вступили в партию. Это было весной сорок пятого года. Матери сейчас 63 года, но она все еще работает в сельскохозяйственном кооперативе, пожиная плоды трудов ученого сына,— это ведь его сорта кукурузы на полях...

Вот в какой семье вырос этот ершистый Шандор Райки, сравнительно молодой по возрасту — ему только сорок лет — да и по стажу ученый, имя которого теперь знают не только в Венгрии, но и за ее рубежами. Он автор многих научных трудов, ездил по научным делам в Италию, Югославию, США...

Я не упомянул Советский Союз. Это не случайно. СССР он считает как бы своим домом. Его рассказ об институтских делах пересыпан именами наших академиков, известных ученых, селекционеров. Райки бывает у них, они приезжают к нему, обмениваются семенами, письмами, научными отчетами.

— У нас в институте особенно большой размах приняла селекция кукурузы,— говорит Шандор Райки.— Полученные нами гибриды позволили на двадцать пять процентов поднять урожайность по сравнению со старыми венгерскими селекционными сортами.

Отсюда, из своего кабинета в бывшем дворце графов Брунсвиков, ему видятся простор полей родины, сотни венгерских сел, меняющих свой облик. Ученый живет их радостями и заботами, удачами и надеждами. И как заблестали его большие искрометные глаза, когда он заговорил об экспорте гибридов кукурузы.

— Вы знаете, что мы уже начинаем слегка теснить американцев на международном рынке. Наша раннеспелая кукуруза лучше выдерживает весенние холода, чем американская и канадская. Здорово, не правда ли?

И вдруг он поднялся из-за стола, заваленного книгами, журналами, словарями, широко зашагал по комнате из угла в угол и, размахивая руками, снова обрушился на каких-то своих противников с кукурузного фронта. И, в который уже раз, Эрна Ивановна робко подает голос: «Шандор, поменьше эмоций».

А он не может без эмоций. Он такой...

* * *

Отправляясь в Венгрию, я записал на первой странице совсем еще чистенького блокнота несколько фамилий, кому я должен передать московские приветы. Уезжая из Венгрии домой, я записал на последнюю страницу своего блокнота десятки фамилий. Это мои соотечественники, это те, кому адресованы приветы. Тут рабочие, инженеры, председатели колхозов, бывшие советские партизаны, ученые. Привет им от их добрых друзей из Венгрии.

ЭШЕЛОН

Б. СПЕРАНСКИЙ

ход. Ритмично постукивали колеса. По сторонам мелькали телеграфные столбы, линуя морозное небо тонкими штрихами проводов. Шабалин глядел в окно и никак не мог успокоиться. Потом бросился к стоп-крану и с силой рванул ручку вниз. Колеса вагонов взвизгнули, заскрежетали и остановились. Подбежал комендант поезда.

— Что случилось?

— Боец отстал! — ответил Ша[illegible]

Комендант выругался и зло про[illegible]

— Стоило из-за этого останавливать поезд! Степь, того и гляди нападут бандиты.

Шабалин промолчал. Не мог же он сказать коменданту, что у отставшего бойца документы государственной важности.

Комендант, взглянув на решетку часов, бросил:

— Пятнадцать минут даю на стоянку!

Прошло пятнадцать минут, а Федор так и не появился. Поезд [illegible]

Однако на этом волнения не кончились. На станции Кочетовка кто-то поджег вагон с золотом. Чекисты погасили пожар, но вагон был выведен из строя. Шабалин позвонил в Козлов. Оттуда немедленно специальным поездом приехали двадцать чекистов. Они помогли перенести ценный груз в другой вагон и несли охрану.

Ночью поехали. В вагоне, тускло освещаемом коптилками, сменился караул, и опять стало тихо. Шабалин сидел возле раскаленной буржуйки, упершись подбородком в ладонь, и думал: «За такие вещи полагается не менее как расстрел! Никакого оправдания нет. Факт налицо! Но что же случилось с Федором?»

Федор Вагнер служил в штабе Южной группы войск Восточного фронта. Аккуратно выполнял боевые задания командующего этой группой М. В. Фрунзе. Это по его рекомендации он, как один из лучших чекистов, был направлен на работу в Уральск. И вот Федор пропал. Как же теперь быть?

Нет! Не наказание пугало Шабалина, а то, какими глазами он будет смотреть в глаза Феликсу Эдмундовичу. Несколько раз Дзержинский беседовал с ним. В июле 1918 года, в дни работы пятого Всероссийского съезда Советов, Шабалин с другими чекистами [illegible] ровского мятежа в Москве, разоружал мятежников в их штабе, находившемся в особняке Морозова в Трехсвятительском переулке. Тогда было, может быть, опаснее, но проще, яснее.

Всю ночь Шабалин не сомкнул глаз. Поезд подходил к Москве. За [illegible] снежном уборе елки.

Шабалин вышел на московский перрон. Огляделся. Прошелся не[illegible]

— Дмитрий Андреевич!

Шабалин вздрогнул. Навстречу бежал с портфелем в руке посиневший от холода Федор. Боевые товарищи крепко обнялись, похлопали друг друга по плечам.

— Документы?

— Целы!

— Скорее в вагон.

Федор жадно съел свой паек и, обжигаясь кипятком, рассказал о своих волнениях и приключениях в дороге. В Козлове человека, который должен был дать указание об отправке вагона, на вокзале не оказалось. Молодой чекист разыскал его в другом месте. Как только тот дал распоряжение о немедленной отправке вагона, Федор тут же побежал на вокзал. Вагона с золотом уже не было. Тогда он сел на следующий поезд, идущий в сторону Москвы. Без шинели и без копейки денег (все было оставлено в вагоне), пересаживаясь с поезда на поезд, он прибыл в Москву раньше своих товарищей.

Вскоре ценный груз и арестованную княгиню перевезли в ВЧК.

Феликс Эдмундович приветливо встретил Шабалина. Он уже знал, что груз прибыл.

На следующий день в Кремле специальная комиссия ВЦИК'а приняла ценности. Трудная операция закончилась успешно.

Перед отъездом в Саратов Шабалина вновь вызвали в Кремль. Комендант Кремля по поручению ВЦИК'а вручил ему кожаную куртку и такие же брюки. По тем временам это был очень ценный подарок.

* * *

Для Федора Вагнера эта поездка кончилась трагически. Сильно простудившись, он заболел. В Москве он получил [illegible] Приехав по месту службы, вскоре умер.

Д. А. Шабалин, ныне персональный пенсионер, живет в городе Энгельсе. Трое его детей разъехались из отчего дома. Работают, воспитывают своих детей — внуков отважного чекиста. А чекисту уже пошел восьмой десяток. Но он по-прежнему бодрый, по-прежнему подтянутый. Чувствуется боевая закалка.

Д. А. Шабалин.

Ф. Вагнер.

Композитор-шахтер Н. Мартынов подобрал мелодию к словам своего друга поэта В. Николайчука.

Путешествие в страну музыки

А. МОРОВ, Н. КОЗЛОВСКИЙ

— Артист! — говорили друзья-горняки с шахты имени Калинина о Николае Мартынове. А он только смущенно отмахивался:

— Какой я артист, просто люблю петь в забое. Особенно когда устану.

Глубоко запал в душу Мартынова услышанный в шахтерском клубе рассказ одного лектора. Тот говорил о силе, которой обладает музыка, и привел историю, приключившуюся с итальянским певцом. Певец искал уединения и однажды, зайдя далеко за город, оказался в руках разбойников... Он запел. И, как завороженные, слушали разбойники нежную и грустную мелодию. Потом с миром отпустили исполнителя...

Заметив улыбку на моем лице, Мартынов ничуть не обиделся.

— Думаете, сказка? Пусть! Но правдивая... Вот и я, когда трудный пласт вырубать приходится, как тот певец, не силой его беру — я пою. И хоть кого спросите, пласт лучше дается!..

В молодости знакомые, кем-то уже петые песни не удовлетворяли Мартынова. И тогда он начинал искать, как бы лучше выразить в музыке то, что ему хотелось сказать. Подружившись с поэтом-шахтером Виктором Николайчуком, Мартынов сочинил несколько песен. Мы слышали, как девчата и парни пели «Тропинку», «Я жду тебя в Донбассе», «Донецкую урожайную». Песня, посвященная родной Горловке, вошла в фильм «Город шахтерской славы». Когда картину показали на шахте, дружеская кличка «Артист» сменилась новой. «Наш композитор»,— с гордостью говорят теперь горняки о Николае Мартынове.

Слесарь Донбассэнерго Григорий Николенко уже немолод. За спиной четыре с половиной десятка лет. Невеселое детство и юность прошли без отца, умершего, когда сын еще и в школу не пошел. Потом армия. Война. Труд. Семейные заботы. Где уж тут, казалось бы, интересоваться творчеством. Но стоит Николенко включить музыкальную радиопередачу — и разглаживаются морщины, уходит усталость, все обыденное теряет над ним власть. Он взволнованно вслушивается в то, чем делится с ним музыка,— самое поэтичное, самое могучее, самое живое, с точки зрения Николенко, из всех искусств. А скрипка всегда могла развеселить Николенко. И заставить плакать. Ах, если бы самому овладеть ею!.. Но разве это возможно, имея такие огрубевшие от работы пальцы! Ими металл обрабатывать, а не смычком владеть. Однако руки сами тянулись к скрипке и постепенно, в результате упрямой тренировки начали приобретать необходимую гибкость. Скрипка стала слушаться!..

Мы встретили Мартынова и Николенко на занятиях по теории музыки. В Горловке по инициативе преподавателей музыкальной школы на общественных началах создана первая украинская народная консерватория.

Едва в местной газете появилось объявление о приеме слушателей, в совет консерватории пачками стали поступать письма. Они почти неизменно содержали слова: «Очень хочу учиться музыке. Прошу принять...» Таких писем пришло несколько сотен. Пришлось организовать конкурс для поступающих.

Народная консерватория сейчас уже начала работать. Здесь есть классы фортепьяно, скрипки, кларнета, сольного пения, аккордеона и баяна. В Донбассе не любят красивых слов, но свои занятия в народной консерватории Мартынов и Николенко называют путешествием в страну музыки. Вместе с ними это увлекательное путешествие совершают рабочие, инженеры, служащие шахт, заводов и фабрик города, члены их семей. У многих студентов дети учатся в музыкальной школе; на улицах Горловки нередко встретишь отца и дочь, мать и сына — у них одинаковые папки с надписью: «Ноты».

Это посылка из Донецка.

С горняками — студентами консерватории встретилась народная артистка СССР Любовь Орлова.

Композитор Дм. Кабалевский, будучи в Горловке с авторским концертом, пришел в консерваторию, чтобы проконсультировать Николая Мартынова.

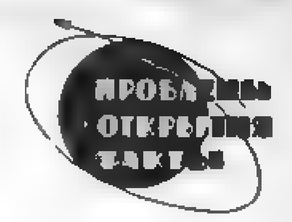

Медсестра Фаина Чернова на уроке музыкальной грамоты.

Студенты народной консерватории на симфоническом концерте.

УПРАВЛЯЮТ ИМПУЛЬСЫ

На столе редактора расположились необычные предметы: электромотор постоянного тока, высокочастотный генератор и... управляемый трансформатор мощности — крошечное устройство размером не больше фасоли.

О таком приборе нам еще не приходилось слышать. Впрочем, это и не удивительно: ведь возраст нового изобретения всего несколько месяцев.

— Как же такой трансформатор работает? — спросили мы изобретателя Бориса Болотова.

— Очень просто. В обычном трансформаторе имеются две обмотки: входная и выходная. У нового трансформатора есть еще и третья обмотка — управляющая. Для управления мощностью достаточно подать на управляющую обмотку импульс тока. Чем больше величина импульса, тем больше коэффициент передачи мощности с входной обмотки на выходную.

По существу, наш прибор не трансформатор, а усилитель мощности. Внедрение такого «трансформатора-усилителя» позволит заменить ряд сложных электронных устройств, в сотни раз повысит долговечность аппаратуры: ведь трансформаторы имеют практически беспредельный срок службы. Кроме того, они очень экономичны. Трансформатор размером с ручные часы может передать мощность в один киловатт (!). А сейчас...— загадочно произнес изобретатель и соединил между собой ряд проводов,— вы увидите все это в работе.

Электромотор вздрогнул и зашелестел лопастями надетого на вал пропеллера. По желанию изобретателя электромотор работал быстрее или медленнее...

— Может быть,— заключает изобретатель,— лучше объяснить это так... Вы ведете автомобиль. Когда наступает необходимость переключить скорость, вы стучите по кнопке. Чем сильнее щелчок управления, тем больше скорость. После щелчка машина будет ехать с соответствующей определенной скоростью до следующего щелчка или... пока не кончится бензин.

В. ГУКОВ

«ВОДОПРОВОД» В ПУСТЫНЕ

Есть в знойных песках Каракумов небольшое озеро Ясха. Часто, завидев воду, торопятся к нему путники, и трудно передать их разочарование: вода в озере горько-соленая, не годная для питья...

Что же делать? Впереди на сотни километров ни одного колодца. Положение кажется безвыходным, но...

...Тяжело урча, к озеру подходят две машины. На их шасси смонтированы причудливые устройства, напоминающие цистерны бензовозов. Из первой машины в озеро опускается резиновый шланг. Шумит дизель.

Часа полтора спустя из «цистерны» хлынула струя прозрачной, вкусной воды.

Что же произошло? Чудо? Нет, это было очередное испытание передвижной опреснительной установки.

Что даст для народного хозяйства эта машина? Очень многое. Чудесный «водопровод» обеспечит хорошей питьевой водой многочисленные колхозы и совхозы целинных земель, где вода имеет большие примеси различных минеральных солей. Он напоит людей и машины, работающие в пустынях, в морях и океанах.

Н. ПЕТРОВ

КАМЕНЬ ЖЕМЧУЖНЫЙ, КАМЕНЬ ПЛАВАЮЩИЙ

На столе — два минерала. Один темный, похожий на стекло. Другой напоминает застывшую пену серого цвета. Но на самом деле это одно и то же вещество — вулканическое стекло — перлит, что в переводе означает «жемчуг». Секрет его прост. Стоит нагреть перлит до тысячи градусов, как он немедленно вспучивается и увеличивается в объеме в 12—14 раз. Эта особенность минерала незаменима в строительном деле.

Перлит — отличный наполнитель бетона. Стеновые блоки из него обладают малой теплопроводностью, звуконепроницаемы, огнеупорны. Стена из перлитобетона в шесть с половиной раз легче кирпичной стены. Это очень важно для некоторых районов Средней Азии, подверженных землетрясениям. Здания, построенные из этого сверхлегкого материала, будут значительно надежнее во время подзем-[redacted].

На севере Таджикистана открыты мощные залежи вулканического стекла.

Вл. КРУПИН

ОДИН К ДЕСЯТИ

— Теперь осталось самое трудное — внедрить, — говорит мне Геннадий Васильевич Лебедев, складывая чертеж новой, оригинальной установки для поливки чайных плантаций. Молодой ученый, кандидат биологических наук Г. В. Лебедев работает в Институте физиологии растений имени К. А. Тимирязева Академии наук СССР уже одиннадцать лет. Он занимается одной из интереснейших проблем физиологии — механизмом распределения воды в растении. Этот вопрос чрезвычайно важен для изучения жизни растений. Ведь стоит только чуть обезводить его, как все физиологические процессы мгновенно меняются.

Недавно профессор Пятинов и Лебедев предложили оригинальный метод обеспечения водой чайных плантаций. Для этой цели совместно с инженерами ученые спроектировали так называемую микроклиматическую установку. Она решает сразу три задачи: увлажняет почву, увеличивает влажность воздуха и снижает температуру чайных листьев. Воды уходит гораздо меньше, а урожай чая возрастает в 7—10 раз.

Но самое главное — [redacted] тод дает возможность полностью механизировать поливку чайных плантаций.

Основываясь на физиологии растений, ученые разработали специальный режим поливки. Установка включается в самое жаркое время дня всего на две минуты через каждые десять минут интервала. В паузах вода с листьев чая испаряется, и температура растений падает. Таким образом, микроклиматическая установка, включаясь в определенное время, сама следит, чтобы растения не перегревались. Ведь чай хотя культура и теплолюбивая, но большой жары не любит.

Установка уже прошла успешные испытания на чайных плантациях Азербайджана.

В. БЕЛЕЦКАЯ

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Могадишо.

С ТОБОЙ МИР, СОМАЛИ

Бескрайний желтый буш рвется в океан. Но его не пускают волны. Они отталкивают сушу.

Там, где единоборствуют сухой буш — африканская степь — и вода, стоит Могадишо — столица нового государства Сомали.

Могадишо — старый и новый город.

Стоят по городу, нацеленные в Южный Крест, 143 каменных космических ракеты. Это мечети. Это — старое и современное.

Тяжело дремлет в центре города туповато-пышная арка — в честь дуче. Она сооружена недавно — в тридцатых годах, до того, как незадачливый диктатор был повешен за ноги. Но это — совсем старое.

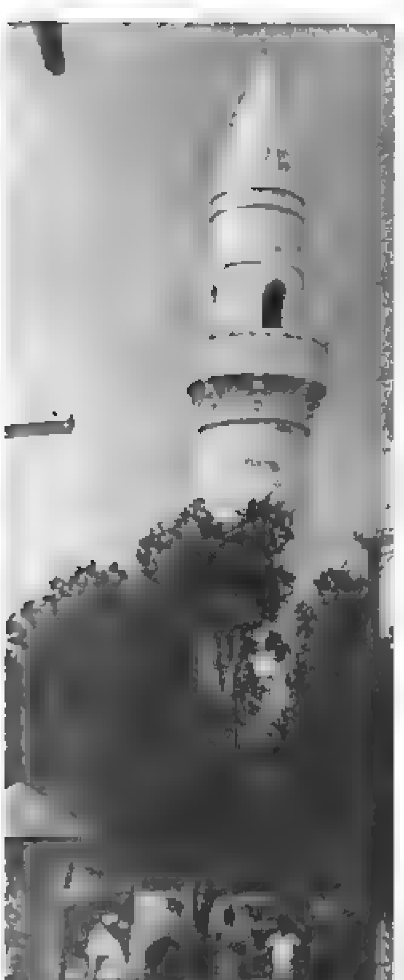
На центральной площади в красном каменном здании старомодной архитектуры заседают члены парламента — парламента Республики Сомали. Не итальянского Сомали, не английского Сомали, а Республики Сомали. Это — совсем новое в Могадишо.

В городском музее, где у входа традиционно лежат чугунные стволы колониальных пушек, в одном из залов хранится документ, написанный по-итальянски и по-арабски. «Мы, нижеподписавшиеся — султан Усман бин Мухаммед и комиссар Криспи...» — так начинался первый колониальный документ. Окончился он кровью и нищетой для сомалийцев, пулеметной стрельбой по борцам за независимость, золотом для тех, кого представлял комиссар Криспи.

Рядом я увидел копья. Разные копья — короткие и длинные, с круглыми наконечниками и наконечниками, похожими на сердце, копья с узким древком и древком широким.

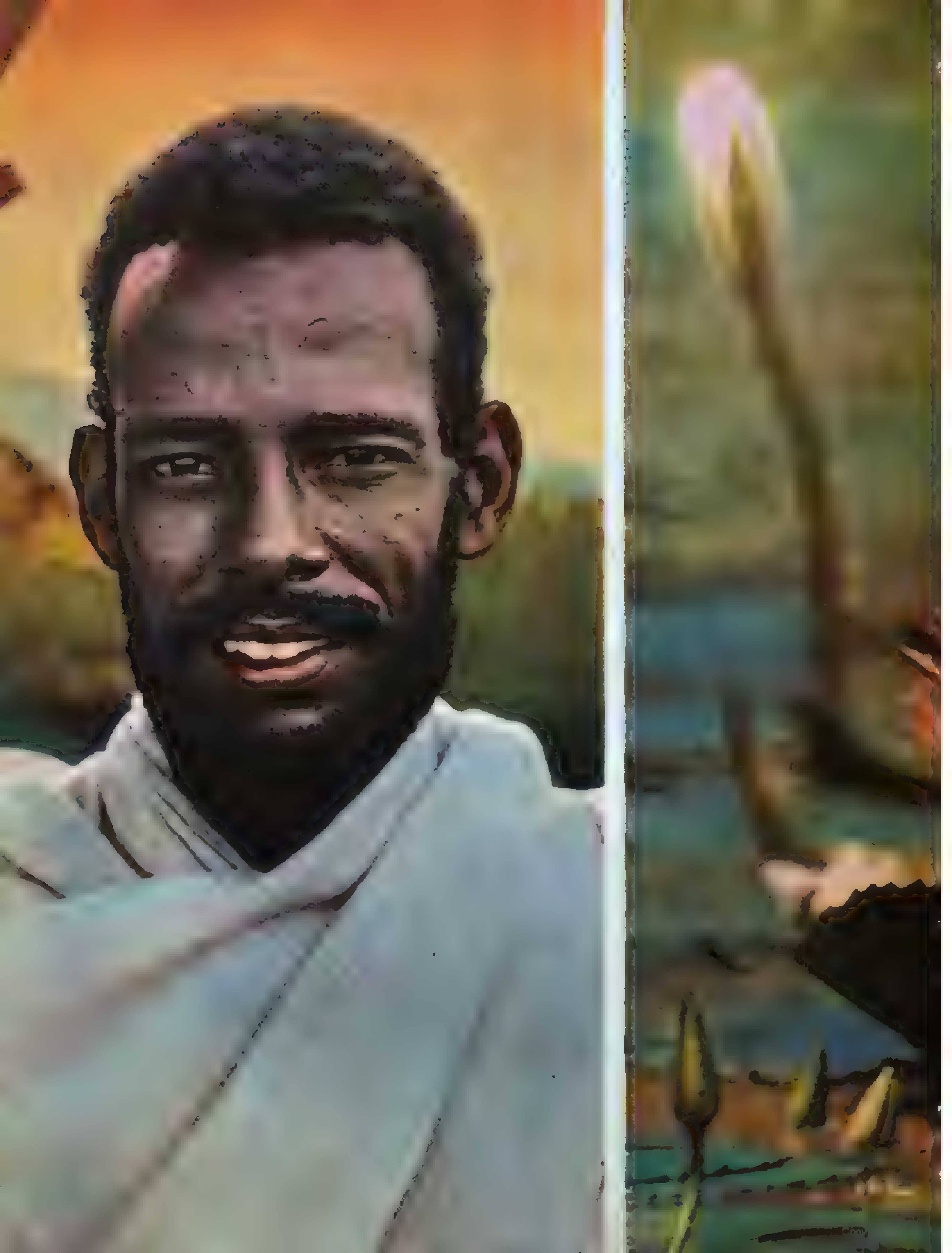
Мне объяснили, что копья с широким древком — против львов.

— Против львов? — удивился

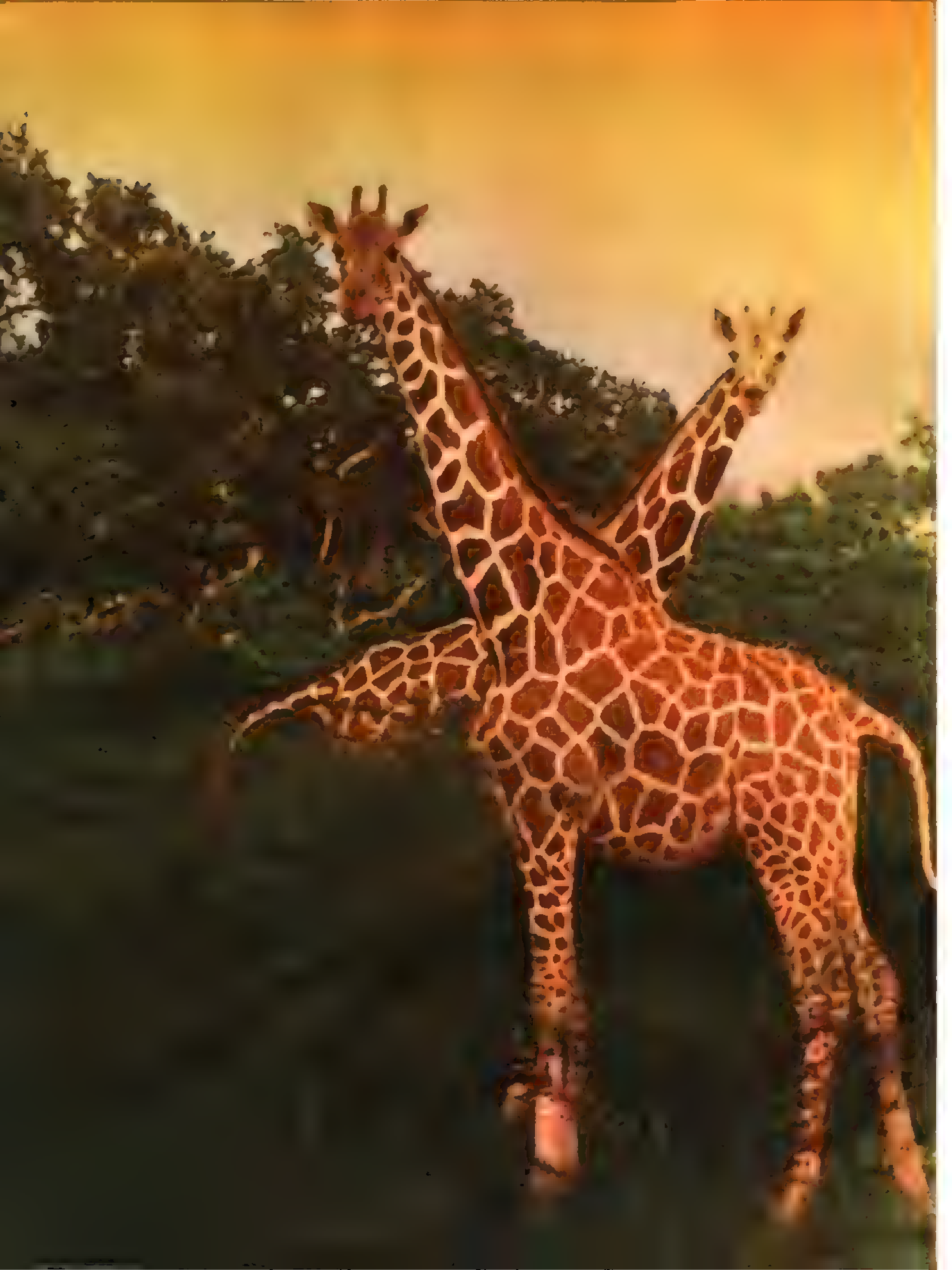

Здание парламента Республики Сомали.

На просторах буша

я. — Как же можно с копьем против льва?

— Очень просто, — серьезно объяснил служитель. — Вы берете копье в две руки — вот так — и приседаете, держа острие копья кверху перед собой. — Он показал, как это делается. — Когда лев прыгает на вас, вы что есть силы вонзаете копье ему в брюхо и поворачиваете. Вот и все. Очень просто.

Действительно очень просто — присесть и вонзить. Копье — в брюхо. Вот и все.

И еще рассказал мне служитель, что у сомалийцев мужчина только тогда считается мужчиной, когда безоружный выйдет против хищника.

И я подумал, что в маленькой стране, где солнце смотрится в самые глубокие колодцы, неспокойно спалось «нижеподписавшемуся» комиссару Криспи и его хозяевам.

Может быть, колонизлистов ввело в заблуждение миролюбие сомалийцев?

Ведь всегда в этой стране два незнакомых человека, встречаясь в буше, приветствовали друг друга словами:

— С тобой мир.

И, расходясь, желали:

— Мира тебе.

Казалось, этот народ никогда не выйдет безоружным на бой.

Невдомек, видно, было колонизаторам, что в понятие «мир» сомалийцы обязательно включают еще и понятие «свобода».

Вот почему безоружные сомалийцы одолели колониального хищника, добились независимости.

И, встречаясь сегодня с Сомали с его сильными, мужественными людьми, с его щедрым солнцем, волшебными цветами, с его бескрайним бушем, мы приветствуем его словами:

— С тобой мир, Сомали.

Строят новую дорогу в буше.

Впереди большой путь.

Охотничьи трофеи

Секретарь Терского райкома партии Кабардино-Балкарской АССР М. Хачетлов.

Петр НИКИТИН

ЛЮДИ СЛУ

В жизни человека встречаются люди, оставляющие неизгладимый след в сознании, в памяти. Мухамеду Хачетлову запомнилась Ольга Васильева — русская учительница, певунья, увлекательная рассказчица, появившаяся в селении Урух в тридцатых годах. После уроков она с учениками бродила по окрестным полям и ущельям, читала им Пушкина, Шору Ногмова, Лермонтова. Однажды учительница прочла ребятам рассказ М. Горького «Часы».

Юношу поразили тогда слова: «Да здравствуют сильные духом, мужественные люди,— люди, которые служат истине, справедливости, красоте!..»

Хачетлову открылась мудрость жизни: «Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую; каждому, кто любит красоту, ясно, где величественное». И еще: «Не жалей себя — это самая красивая мудрость на земле. Да здравствует человек, который не умеет жалеть себя!» Мухамед не был трусливым и жадным, он мечтал стать мужественным и щедрым!

Это и горьковские слова привели Хачетлова в комсомол, открыли ему двери в партию. Войну он встретил человеком сложившихся убеждений. В хмурое, сырое утро 22 октября 1942 года Мухамед Хажретович повзрослел. Он стоял с Ашиновым, бывшим в те времена работником Лескенского райкома партии, на вершине растрепанного кургана. Близок был грохот боя, тянуло гарью, вдали появились фашистские танки. Молодой коммунист тревожно спрашивал Ашинова: «Что же дальше?» Ашинов молчал. «Что делать?» Ашинов отвернулся. «Лес далеко — фашисты близко!» — зло крикнул Хачетлов, вскочил на коня и помчался в горы, к партизанам. Ашинов спустился с кургана — встречать с распростертыми объятиями оккупантов...

В наши дни Мухамеду Хачетлову, как секретарю райкома, иной раз приходится отбирать партийный билет у человека, обманувшего партию. В эти минуты перед ним всплывает лохматый курган, низкое небо, одутловатое лицо предателя Ашинова.

...В один из осенних дней 1956 года Хачетлова вызвали на бюро обкома партии и предложили работать в Малой Кабарде. Екнуло и заныло сердце Мухамеда Хажретовича: он заочник, ему писать и защищать диплом. А в Малой Кабарде самые отстающие колхозы. Два человека, которые прошли перед ним, струсили, отказались.

Хачетлов спросил секретаря обкома: «А справлюсь ли?». И услышал в ответ: «Силы проверяются в бою. Кто решил забраться на Эльбрус, тот побывает на его вершине. Кто мечтает о спокойном бугре, тому не взлететь орлом».

— Семьдесят пудов зерна с гектара в Терском районе считались рекордом,— вспоминает теперь Мухамед Хажретович.— И вот прошло пять лет. Шагнули далеко вперед, окрепли колхозы. Вместо тридцати пудов кукурузного зерна с гектара здесь теперь получают по триста и четыреста пудов

Неужто терская природа подобрела?

В те, теперь давние, самые первые дни, как вспоминает Хачетлов, он возил с собой початки кукурузы, выращенной в засушливых местах, не расставался со школьной доской и мелком. Где бы и о чем бы ни шел разговор, Хачетлов заканчивал его беседой о кукурузе. Секретарь не поучал, а учил. Учил людей видеть в кукурузе то главное звено, ухватившись за которое можно было вытащить район.

Тогда нередко вспыхивали жаркие споры.

— Ха, четыреста пудов зерна с гектара! Они же требуют четырех с половиной тысяч кубометров воды!..

— Знаем,— соглашались коммунисты.

— А сколько небо дает?

— И полторы и три тысячи...

— Так мало же!

— Знаем, маловато...

— Выход?

— Орошение! Наша малокабардинская оросительная система!

— Ее освоить надо!

— И освоим.

Районный комитет партии привлек людей науки, опытников и подготовил экономическую конференцию. Доклад сделал Хачетлов. Это был большой разговор политика, экономиста, агронома.

Через год было продано государству вместо 350—650 тысяч пудов зерна кукурузы. А в 1961-м — миллион пудов! Производство зерна удвоилось.

Хачетлов объявил войну лодырям и болтунам, людям нечестным и просто безнадежно от-

[redacted]

Взять хотя бы бывшего председателя артели «Заветы Ленина» Кончокова. В Малой Кабарде высевать по сто — сто двадцать килограммов семян пшеницы — гиблое дело. Мало. Хачетлов восстал против порочной практики. Кончоков вежливо слушал его, соглашался, но сеял по-своему... «Старое проверено, а новое — кот в мешке». Ну что же, давайте проверим. Хачетлов созвал конференцию по культуре земледелия. Его точку зрения поддержали люди науки, опытники. Один только Кончоков остался «при своем мнении». Что поделаешь — пришлось ему отойти в сторону, не в ногу шел... В первый же год новая норма высева сказалась на урожае: 84 пуда вместо 47...

Или еще пример. В 1961 году артель имени Ленина сняла четыреста пудов зерна кукурузы вкруговую. Старому председателю подобные урожаи и не снились. Он только и знал, что сетовал: «У меня в артели — горцы, выходцы из горных селений. Они все поглядывают в сторону Эльбруса, равнину считают временным жильем».

Колхоз был в тяжелом состоянии. Агроном балкарец Магомед Энеев — человек не трусливого десятка. Но и он ехал в район с одной мыслью: «Куда угодно, только не в этот колхоз». Кого бы он ни спрашивал, в ответ слышал одно: «В уме ли ты? Куда едешь? Там пьяницы, буяны...»

Энеев сейчас с теплотой вспоминает ту первую встречу с Хачетловым: «У меня язык не повернулся отказаться». Секретарь поведал молодому специалисту все начистоту: ничего не прибавил, ничего не убавил. Опроверг лишь легенду о людях: «Люди, Магомед, хорошие, руководили ими плохо». Хачетлов прекрасно понимал Энеева, его сомнения, колебания. «Ты ставь, Магомед, высокую цель! — советовал Хачетлов молодому агроному.— Кто стремится к вершине Эльбруса, тот побывает на ней... Орлам — вершины,

Малокабардинская оросительная система. Головное сооружение Фото М. Начинкина.

решев выступает их активным защитником. «Спасаю от тюрьмы. Она плохая школа воспитания»,— оправдывает он свою позицию. Это и вдохновляет любителей легкой наживы!

...Мы засиделись в райкоме допоздна. Зажглись огни. Электрический свет неровен. Вольфрамовым нитям не хватает накала. Они то вспыхнут ярко, то краснеют. Лампочки мигают, и полумрак то и дело выползает из углов комнаты.

— Так и Альбиян. То вспыхнет полным накалом, то светит вполовину.— Хачетлов знакомит меня с работой своих товарищей. Коллектив в райкоме маленький, но дружный. В нем опытные организаторы, специалисты, пропагандисты. В словах секретаря глубокое уважение к их труду.

— Инициатива бьет ключом. Она вызвана решениями XXII съезда партии. Не потушить ее — в этом главное,— замечает Хачетлов и говорит о новых требованиях жизни, говорит о воспитании людей.

Что еще поведать о Хачетлове и его товарищах?

Это люди смелые, знающие жизнь. Иной раз и ошибаются, чего-то недоделывают, чего-то недопонимают, но всегда живут интересами партии, народа. Им люди верят. За ними идут. Они напори-

ЖАТ ИСТИНЕ

ужам — низины...» Прошло два года. И вот балкарский колхоз снял самый высокий урожай кукурузы.

В районе учатся все. Председатели колхозов, бригадиры, секретари партийных организаций. Нелегко дается это.

Хачетлов вспоминает звеньевого из Верхнего Акбаша.

Этот человек, временами шумливый и беспокойный, раньше ничем особенным не отличался. Правление назначило Хапаго Максидова звеньевым. Дали ему трактор, навесную сеялку, землю: «Смотри не подведи!» На том и успокоились. Не волновался и Хапаго. Но вот в колхоз приехал сосед Герой Социалистического Труда Камбулат Тарчоков. Приехал, чтоб проверить готовность к севу кукурузы. Он и спросил у Максидова: «Как устроена навесная сеялка?» Тот молчит: не знает. Односельчане сетуют: «Подвел, опозорил!..» Председатель Ахаминов грозно смотрит на звеньевого: так бы и проглотил неуча! Был тут и Хачетлов. Это у него тогда с обидой вырвалось: «Кому доверили квадраты?!» Хапаго вспыхнул, выскочил вперед и прохрипел: «Квадраты, секретарь, будут!» В возгласе было такое, что остановило Хачетлова.

Председатель с тех пор косо смотрел на звеньевого, но товарищи помогали Максидову изучать новую технику. Что пережил и передумал он — про то лишь бессонным ночкам ведомо... Пришла и миновала весна. Труды и наука не пропали даром: вышли квадраты на кукурузе. Председатель уже не косится на Хапаго, а подбадривает его: «Старайся!» У Максидова одна мысль: «Кукуруза за меня постоит! Она меня оправдает!» Однажды на поле появился среднего роста худощавый человек. Он деловито, как агроном, отбил рядки кукурузы, пересчитал растения и по-отечески сказал: «Вы, Максидов, ошиблись. Урожай получите выше намеченного». Хапаго расцвел в улыбке. «Это, Тимбора Кубатиевич, разведка. Бой дадим в шестьдесят втором году»,— ответил он. Мальбахов, секретарь обкома, знал, что говорил: участок дал по четыреста пудов зерна с гектара. Это в несколько раз превышало урожай кукурузы, полученный артелью два года назад...

Любить человека, верить в него — значит уметь требовать, воспитывать, предупреждать его возможные ошибки. Альбияну Мамрешеву народ доверил богатое и перспективное хозяйство — колхоз «Вторая пятилетка». Он достоин доверия: коммунист, агроном, депутат Верховного Совета Кабардино-Балкарской республики. Все больше продукции производила артель. Вот это и начало успокаивать Мамрешева. Альбияну указывают на высокий падеж скота, а он отбивается от критики: «Забыли — в прошлом хуже было». Кукурузы с гектара получили меньше прошлогоднего, а Мамрешев твердит свое: «Зато я продал больше других». Человек все оглядывается на прошлое. Но можно ли двигаться вперед, думая лишь о прошлых заслугах?

И Мухамед Хачетлов тревожится. Он хочет помочь зазнавшемуся председателю. А тот пускает слезу: «Придираются ко мне».

Не любит Мамрешев критику. Самолюбие мешает. На пленуме райкома партии обсуждали выполнение обязательства по животноводству. Докладывал второй секретарь Степан Антонович Сазонов — опытный зоотехник, хороший организатор и пропагандист. Он отметил высокую себестоимость молока в колхозе «Вторая пятилетка», уменьшение надоев. К тому же нет там заботы о воспроизводстве стада. Мамрешев слушает справедливые упреки и ерзает на стуле, нервничает. Лицо залила густая краска стыда. Я смотрел на него и думал: «Вот сейчас выступит, скажет, как будет дело поправлять». Но Альбиян начал юлить, сыпать цифрами, и получалось, по его словам, что в колхозе все обстоит благополучно, во всяком случае, «не хуже, чем у других».

Потом слово взял Хачетлов. В глазах было вспыхнули на мгновение и сразу же потухли огоньки раздражения: нельзя раздражаться секретарю. Говорить надо спокойно, не нужно обижать человека. Секретарь сравнил показатели артели «Вторая пятилетка» и колхоза имени Кирова, которым руководит коммунист Заим Дудуев. В одинаковых условиях живут они и работают. И земли у них одинаковые. Но по «многим статьям» обогнал соседа Заим Дудуев.

— Кукурузу вы научились выращивать, товарищ Мамрешев. Учитесь превращать ее в мясо и молоко. Меняйте свою неправильную позицию...— И в голосе секретаря зазвучали строгие нотки.

О какой неправильной позиции говорил Хачетлов?

Боится Альбиян Мамрешев обидеть нечестного человека, а обижает народ. Дружинники ловят расхитителей урожая, а Мамсты в труде. Жизнерадостны в отдыхе.

Как-то после открытия сельхозвыставки состоялся товарищеский ужин. Веселый Гурфов из Лескенского района лукаво оговорился: «В кукурузе Хачетлов силен, а как в пляске и танцах?» Мухамед Хажретович принял вызов. Терцы, сидевшие за столами, улыбнулись: они-то знали своего секретаря! Стройный, мускулистый, Хачетлов легко прошелся с адыгейской звеньевой в грациозном танце «кафа». Потом зазвучал его мягкий баритон. Люди подхватили любимую песню. Гурфов проиграл спор! А гости из Баксана и Лескена, Адыгеи и Осетии, Прохладной и Майского поняли, почему у терцев есть прекрасный ансамбль песни и пляски, который даже в Москве выступал, а у них — нет...

И еще одной страстью одержим секретарь райкома. В кабинете я видел белый снопик необычной пшеницы. Мухамед Хажретович бьется над новым сортом, он селекционер.

...Кабардино-Балкария богата смелыми людьми. Механизатор Евезов и дояр Гоников, заслуженный агроном Евтушенко и научный работник Шауцуков, секретарь райкома Хачетлов и ученый-мичуринец Ковтуненко, открывший тайны серебристых елей и роз необычных расцветок,— люди разных характеров и возрастов. Но они, как говорил М. Горький, «умеют не жалеть себя» во имя счастья народа. Это люди, «которые служат истине»...

В капле воды светит солнце. В труде человека — его характер. Из капель рождаются могучие океаны. Из освобожденного труда — коммунизм!

СКОЛЬКО ЛЕТ, СКОЛЬК

Евгений ВОРОБЬЕВ

Повесть

II

Между сеансами был двухчасовой перерыв, и мы сидели с Сабиной на траве, под сенью могучих сосен. В хвое все время шныряли белки.

Сабина протянула конверт с фотографиями. Я долго вглядывался: ни седая прядь, ни морщинки у глаз не состарили Тересу.

— Вы так прекрасно сохранились.

— Великий комплимент для паненки,— улыбнулась Сабина: она не показывала вида, что я оговорился.

— Все время хочется спросить: а помните, Тереса, как вы пришивали пуговицы к моей черной шинели? Помните пароль, с которым вы послали меня к машинисту насоса Стасю?

— А кто это такой?

Сабине только недоуменно пожимала плечами и с любопытством ждала новых вопросов, на которые не могла ответить.

Накануне пришла открытка из Франции. Сабина догадалась захватить ее с собой. Открытки из-за границы идут намного быстрее писем, поэтому мамуся шлет открытки. Несколько беглых фраз. Куча приветов от родственников из Кале. Убедительная просьба к Сабине — не отказываться вовсе от супа. Хотя первое блюдо сейчас и не в моде среди польских девиц, Сабина при своей талии может позволить себе такую вольность. А питаться всухомятку вредно для здоровья. Вот и все послание.

Разве Тереса могла предполагать, что Сабина прочтет открытку мне? О, Тереса, наверно, была бы щедрее, не поскупилась бы на подробное письмо. И, как знать, если бы Тереса рассчитывала на свидание со мной, может, и домой заторопилась бы из дальних странствий.

Разговор у нас с Сабиной шел о всякой всячине: о футбольном матче Польша — Испания, который состоялся в Хожуве (не трудно догадаться, что не я затронул эту тему), о дымном небе Силезии, о советских спутниках, о сверхмощных телескопах, о том, можно ли увидеть микрон без микроскопа, об итальянских кинофильмах и о том, называть ли красивой Джульетту Мазину, о модной прическе «я у мамы дурочка» и о том, как теперь одеваются русские девушки. Зашла речь о танцах, и я узнал, что рок-н-ролл безнадежно устарел, а самый модный танец сейчас «ча-ча-ча» и какое-то «калипсо». Сабина — заядлая танцорка, она готова танцевать до упаду. Если мы пойдем на «танечну забаву», она будет танцевать со мной все, что я захочу, хотя бы вальс, который любят только русские. Сабина не знает, принято ли в России, но у них на танец приглашают не только кавалеры. Распорядитель подает особый знак, и тогда дамы выбирают себе партнеров. Но пан Тадеуш может не тревожиться. Ни с кем другим Сабина танцевать не станет. О-е-ей, женское равноправие — добрая идея! Но только некоторые мужчины не так понимают равноправие: они поручают женщинам работу, какая по силам только мужчине, да и то не всякому.

Сабина спросила: работают ли у нас женщины по ночам? Я ответил, что, к сожалению, еще работают в ночные смены, но надеюсь, что со временем мы сможем от этого отказаться. Как видите, мы не только болтали о пустяках...

Сабина поинтересовалась моей работой, расспросила об угольном комбайне, и опять-таки это было не бездумное любопытство девушки, умеющей поддерживать разговор, а живой, искренний интерес к моим занятиям.

Зашла речь о проблеме, которая стоит сегодня перед нами, горными инженерами, — о безлюдной выемке угля. Пусть Сабина вспомнит сгорбленную, сутулую фигуру своего деда — ему годами не удавалось как следует распрямить спину,— чтобы в полной мере оценить, каким волшебным достижением будет безлюдная выемка угля. Сабина повторила вслух это выражение, как бы отпечатывая на губах неслыханные слова.

А слышала ли Сабина слово «морестроитель»? Так в России называют строителей плотины, которой перегораживают реку. Сабина очень заинтересовалась новыми морями. Случаются ли там штормы? Водятся ли в искусственных морях рыбы? А водятся ли там рыбы, которые мечут черную икру?

Я рассказывал Сабине про Сибирь. Нет, она не притворялась заинтересованной, это не было вежливое желание выглядеть любознательной. Сабина с интересом слушала рассказ о богатствах, которые хранит сибирская земля,— об алмазах, о золоте, об угле, о целинных землях, на которых зреют богатые урожаи.

Сабина не имеет точного представления о Сибири, но смеется над теми, кто полагает, что на улице сибирского города можно сегодня среди бела дня встретить медведя. И тут Сабине пришла пора удивиться, когда я рассказал, что недавно в нашем шахтерском городке был как раз такой случай: медведь переправился через речку Уньгу и пожаловал из тайги в город. Будто решил себе устроить берлогу где-то между клубом и сберкассой!

Зашла речь об охоте, и я рассказал, как однажды заблудился в тайге. Непроходимые дебри, буреломі Пять суток плутал в хвойных трущобах, питался клюквой и грибами. Сабина никогда не видела клюквы, в Силезию ее не привозят, как, например, привозят из Болгарии арбузы и дыни.

Только пусть пан Тадеуш не подумает, что Сабина интересуется русским языком потому, что хочет читать какие-то серьезные книги по астрономии, или статьи политического характера, или материалы о советских спутниках, ракетах, о космосе. Нет, Сабина не станет говорить красивую неправду. Зачем выглядеть умнее и серьезнее, чем она есть на самом деле? Ведь пан Тадеуш не кавалер, перед которым она старается выглядеть образованной и пускает ему пыль в глаза. Мамуся тоже не похвалила бы ее за неправду, сказанную пану Тадеушу.

Пусть пан Тадеуш не смеется, но Сабине по-настоящему полюбился русский язык после того, как она услышала оперу. Она так волновалась, когда Татьяна писала ночь неапролет свое признание, и потом, когда Эугениуш объяснился в запоздалой любви. Красивое имя — Татьяна, жаль, католики им пренебрегают: нет такого имени у ксендза в святцах... Сабина купила потом поэму Пушкина в переводе Юлиана Тувима и перечитала ее несколько раз. У русского поэта нашлись слова, которые заставили сжаться сердце Сабины, а ведь пани Татьяна жила совсем в другую эпоху и разговаривала на другом языке. Ах, в русском языке есть такие слова! Пусть пан Тадеуш только прислушается к слову «ненаглядная».

— Ненаглядная! — произнесла Сабина очень значительно, словно вторя кому-то, кто и сейчас стоял у нее перед глазами, кого она и сейчас слышала сердцем. При этом она даже слегка зажмурилась, так ей было легче вслушаться в полюбившееся слово.— Не-на-глядная... Глядит коханый, а наглядеться не может...

Сабина, я это чувствовал, готова в порыве откровенности исповедаться во всем.

И такая душевная близость породнила меня с этой вчера еще незнакомой девушкой, хотя подчас и понимали мы друг друга с трудом, что если бы только зашел у нас разговор, я тоже мог рассказать Сабине без утайки о себе все-все, поделиться самым сокровенным.

Я сказал Сабине, что недавно у нас вышел фильм о шахтерах. Так вот в фильме поют песенку, а там есть такие слова:

Три года ты мне снилась,
А встретилась вчера...

Ну, а Тереса-Сабина мне снилась не три года, а всю послевоенную жизнь.

— Какой долгий сон! — вздохнула Сабина.

— Есть такая примета.— Я, кажется, усмехнулся.— Человека, который кому-то снится, ждет в жизни приятный сюрприз.

— Направду? — Сабина сразу посерьезнела.— Я верующая в приметы.

Сабина призналась: она очень несчастлива. В самом деле, что веселого, если за ней толпой ходят женихи? Столько кавалеров ухаживают, а любит она Збышка, футболиста из команды «Полония». Стыдно признаться мамусе, она ездила в другие города на футбольные матчи с участием Збышка.

— Это Збышек называл меня по-русски — «ненаглядная»...

Уже несколько раз Збышек выезжал с футбольной командой в Москву и на Украину. Он тоже читает русские журналы, выписывает газету «Советский спорт» и слушает по радио спортивные новости на русском языке.

Самое горькое: Збышек женат. Злая усмешка судьбы! Он хочет развестись с женой, но как же католичка Сабина может на это согласиться?

Однажды, когда Збышек — уже в который раз — завел речь о разводе, он показал Сабине московскую вечернюю газету: в ней было много-много объявлений о разводах. Там не смотрят на разведенного кавалера, как на прокаженного... Сабина спросила тогда Збышка: а есть ли в газете хоть одно объявление о предстоящей свадьбе? Они вместе искали и не нашли такого объявления. А длинный перечень тех, кто разводится, произвел на Сабину неприятное впечатление. Удивительно, как у

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2 — 4.

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

О ЗИМ

советских читателей не портится настроение, когда они читают такие оглашения!

Пожалуй, она бы еще набралась смелости пойти когда-нибудь в суд, где любопытная публика разглядывает твое белье с левой стороны. Но она не сможет переступить порог костела, подойти к алтарю, обвенчаться со Збышком. Ксендз никогда не благословит разведенного!

Сабине густо покраснела, но глаз не опустила и договорила, запинаясь: если бы у нее уже был ребенок или ребенок должен был родиться, она согласилась бы на развод Збышка. Ведь тогда ребенок очень нуждался бы в татусе. Но взять сейчас такой грех на душу?!.

Сабина долго, подавленно молчала.

Ну, а если лечиться от любви к Збышку гипнозом? Говорят, живет в Кракове гипнотизер, так он разводит с бутылкой самых запойных пьяниц, вызывает отвращение к табаку даже у заядлых курильщиков. Но, может быть, лечиться от любви — великий грех? А потом, как стыдно просить, чтобы тебя загипнотизировали, потому что, пока ты находишься в сознании, в здравой памяти и рассудке, не можешь сама справиться с собой!..

Чем я мог утешить Сабину? Меньше всего ей нужны были пустопорожние слова, которые говорят в подобных случаях: дескать, перемелется — мука будет; время, мол,— лучший врачеватель... и другие дежурные банальности.

Отчасти потому, что спешил ответить ей на доверие, а может быть, потому, что ощутил острую, внезапную потребность излить душу, я признался Сабине в сердечном неблагоустройстве.

Должен сказать, что по натуре я человек замкнутый, а тут меня потянуло рассказать Сабине все-все: и о женитьбе своей и о давнем холодке, который никак не тает в наших отношениях с женой.

Может, моя Клавдия и не виновата? Может, я слишком многого ждал от нее? Она хорошая хозяйка, любит дочку, заботится о своем муже, то есть обо мне,— чего бы, казалось, еще?

Но такое ощущение, что вся моя жизнь с Клавдией держится на клею. Представьте себе: склеили разбитую тарелку, да так аккуратненько, что трещины не видно. И сервиз весь как будто бы в целости, вот он красуется на буфете, соседским кумушкам на зависть. Но только горячего борща ты из той склеенной тарелки, как ни будешь голоден, уже не похлебаешь...

Вот ведь какая история: Клавдия уверена, что с фронтовых времен у меня в Польше осталась женщина, которой я отдал всю свою привязанность.

А может, в самом деле у Клавдии есть основания ревновать меня к Тересе? Может, в самом деле я обделил жену любовью, потому что всю ее, без остатка, отдал женщине, с которой, в сущности говоря, виделся лишь раз. Или это чувство стало во мне укрепляться по мере того, как жизнь с Клавдией приносила больше разочарований, огорчений? Ведь каждая, даже маленькая женина бестактность, нечуткость и каждая моя, даже не высказанная вслух колкость, проглоченное мною грубое слово оставляют в душе свой след — вот как эти синие отметины на руках, на лице, следы порезов и царапин, присыпанных углем...

Ну, и пропало у меня желание делиться с женой самым заветным, и перестал я по ней скучать, когда бываю в командировках. Я вот уже давно разъезжаю по шахтам, три месяца не был дома. И совсем, ну, вот ни столечко, не соскучился по жене. Когда был моложе, я этого не понимал, а теперь твердо знаю: верность легче сохранить, чем сердечную привязанность.

Мне показалось, что я остался непонятым, а потому повторил раздельно:

— Хочу сказать, дорогая Тереса, что сердечную привязанность труднее сохранить, чем верность.

— Понимаю,— кивнула Сабина.

Она и виду не подала, что я снова оговорился.

Как переменчиво лицо Сабины! Только что она слушала меня в мрачной задумчивости, но быстро сбежали тени с лица, повеселели глаза. И вот уже она пускается в рассуждения о модах и прическах. Болтает о пустяках, но при этом иронически, насмешливо прислушивается к самой себе.

Я-то знаю, почему Сабина затеяла сейчас этот мелочный разговор. Пусть я разочаруюсь в ней, подумаю, что она смазливая барышнёшка — и не более того. Но зато забуду на минуту о своих сердечных неурядицах.

14

Четыре дня подряд я оставался в шахте допоздна. Но вот наконец выдался день, когда я поднялся в клети с первой сменой — вечер в моем распоряжении.

Торопливо смыл я с себя пот и копоть шахты, переоделся, пожалуй, тщательнее, чем обычно, сел в трамвай и поехал в Хожув.

Улицы шахтных поселков и городков то подымаются в гору, то сбегают вниз, то круто сворачивают в сторону. Подчас не понять, длинная или короткая улица, потому что на ближнем повороте она упирается в дома и лишена перспективы. И, следуя всем поворотам улиц, змеятся изогнутые рельсы.

Сегодня, казалось мне, шлагбаумов на пути трамвая больше, чем их было прежде. Заводской или шахтный регулировщик в черной спецовке и с красным флажком пропускает состав с углем, коксом, металлом или мимо проползают огнедышащие ковши со шлаком. Ох, как бесконечно тянется состав, какой он медлительный!

Но вот шлагбаум медленно подымается, и трамвай продолжает путь. Может быть, трамвай даже мчится, но я мысленно подгоняю вагоновожатого: «Ты что же тащишься, ясновельможный пан? Или ты никогда не ездил

быстро? Ведь я тороплюсь к Сабине, понимаешь или нет, черепашья твоя душа?!»

У Сабины в тот вечер оказались свободные часы между сеансами в просмотровом зале, и мы пошли гулять.

Просто удивительно, какое множество накапливается у меня к каждому свиданию с Сабиной соображений, наблюдений, сомнений, планов на будущее, которыми необходимо поделиться!

В шахте было два комбайна. На горизонте повыше работа шла нормально, а тот комбайн, который находился под присмотром Люциана Яновича, все время спотыкался, останавливался. Вот ведь и у нас в Донбассе, когда комбайн еще делал первые шаги, подобные истории приключались на разных горизонтах одной и той же шахты или на двух соседних шахтах: не одной комбайном не могли нахвалиться, на другой — такие же пласты — ругали. Значит, кому-то не подчинились изнурительные разрозненные мелочи, и они сообща образовали «цепную реакцию» неполадок. А где-то преодолели случайную власть мелочей и после того оценили машину по достоинству.

Машинист комбайна с горизонта повыше — полная противоположность Люциану Яновичу. Один работает с горячим задором, а другой все время остужает себя и других осторожным опытом. Машинист верхнего горизонта Кулеша сохраняет бодрость, даже когда работа не ладится. Люциан Янович называет его фантазером, хвастуном и даже старым молокососом. Однако в иных предложениях машиниста заключалось техническое остроумие, которым он обезоруживал штейгера. Каждый раз Люциан Янович брался отрезвить машиниста с верхнего горизонта скупыми и точными расчетами, а кончалось нередко тем, что пан штейгер увлекался и сам начинал развивать завиральные идеи этого фантазера, хвастуна и старого молокососа.

И без того не ладилась работа, а тут еще случилась беда: машинист верхнего комбайна сломал ногу. И хотя комбайн в этом винить вряд ли можно было, несчастный случай бросил тень на машину и крайне затруднил всю мою работу.

Я решил умолчать об этой неприятности, но от проницательного взгляда Сабины ничего не укрылось. Она оборвала мою деланно беззаботную болтовню и, глядя в глаза, спросила:

— Почему пан грустный? Что в шахте?

Пришлось рассказать все, как было. И Сабина дала мне совет: поработать, если только справлюсь, вместо машиниста комбайна, получившего травму.

А в следующее наше свидание Сабина не забыла спросить, как самочувствие того машиниста и как шла работа в шахте. Она очень обрадовалась, когда узнала, что я две смены проработал машинистом. Горнякам, в том числе сварливому штейгеру Люциану Яновичу, понравилось, что российский инженер не гнушается такой работой.

Я рассказал Сабине, что приобрел неожиданного союзника в лице штейгера. Когда он увидел меня в роли машиниста, брови его удивленно сошлись на морщинистом лбу, глаза потеплели, и он сам вызвался безотлучно присматривать за вторым комбайном на нижнем горизонте.

Хотелось признаться Люциану Яновичу, что идея вовсе не моя, а одной легкомысленной барышни. Сабина согласилась, что барышня действительно легкомысленная, но при этом она остается дочкой и внучкой горняка!..

15

Да, у нас не было недостатка в темах для беседы, но все темы были забыты после того, как Сабина в смятении сообщила мне, что собирается выйти замуж.

За кого же?

В числе ее кавалеров есть очень солидный пан, ухаживает за ней уже полтора года. Он всегда веселый! И знает все анекдоты. Пан Щавиньский — известный среди модниц Силезии дамский портной, владелец маленького магазина «Остатня мода». Самый элегантный кавалер во всей Силезии. Как он умеет носить костюм!

— А разве Збышку не идет его спортивная форма?

Сабина сделала вид, что не расслышала.

Пан Щавиньский не только закройщик дамского платья, но также отменный спортсмен. Участник многих мотогонок. Один из лучших в Силезии картежников; он играет в «скат» и «бридж». Пан Тадеуш не ведает, что такое «скат»? «О-е-ей!!!» — воскликнула Сабина, совсем как тетя, открывшая мне дверь. Пан Щавиньский приучил и Сабину к картам. В «скат» играют больше всего в Силезии и Познани. В колоде участвуют пятьдесят две карты, самая старшая — трефовый валет. Играют ли в Сибири в «бридж»? Пан Щавиньский утверждает, что «бридж» не менее сложная игра, чем шахматы. Наверно, я ухмыльнулся или отрицательно покачал головой, потому что Сабина спросила, играю ли я в шахматы. Конечно, я не гроссмейстер, мой шахматный король воюет по третьему разряду. Но все-таки шахматный король не чета бубновому. А Сабина упрямится и, видимо, с чужих слов, твердит: пусть пан попробует сыграть шлем без козырей или взять тринадцать взяток!..

Пан Щавиньский заявил, что, когда Сабина станет его женой, все новые модели он будет примерять на ней. Ни в одном ателье Силезии нет модельщицы с лучшей фигурой, чем у панни Сабины. Вот это будет реклама для «Остатней моды»!

— Какое богатое будущее! Сделаться живым манекеном...

Сабина раздраженно повела плечом, как бы высеченным из теплого мрамора.

Что же плохого — стать манекенщицей, помогать женщинам красиво одеваться? Вот на той неделе в Лондоне выбрали «Мисс мира». И знаете, кого признали самой красивой женщиной в мире? «Мисс Аргентину», манекенщицу из Буэнос-Айреса.

Кто же говорит, что девушке зазорно работать в Доме моделей? Вот недавно, во время моей командировки, в Москве открылась выставка польских мод. Сам я на ту выставку не пошел, был в предотъездных хлопотах, да и не сворачивала никогда моя дорога на такие выставки, но слышал, что билеты достать нельзя было — такой успех. Даже устроили дополнительные сеансы.

Конечно, это нелегкая работа: день-деньской одеваться, раздеваться, вертеться перед зеркалом, придирчиво оглядывать себя со всех сторон — одним словом, вести себя, как неугомонная и сумасбродная франтиха. И при этом мило кокетничать, стараться всем понравиться, прогуливаться в открытых платьях под чужими взглядами, при свете ярких ламп. Люди любуются красивыми линиями вашей фигуры. Им нравится покрой ваших платьев, смелое сочетание красок. Столько модисток, модниц скопирует эти выкройки, ваши платья начнут быстро размножаться... Но ведь «Остатня мода» — частная лавочка...

Пусть только пан Тадеуш не подумает, что она, Сабина, польстилась на достаток жениха. Просто по душе пришлась его элегантность, веселый нрав, независимость и жизненный азарт во всем, что делает. А как молодо выглядит! Ему никак нельзя дать тридцать восемь лет!

Прошлым летом пан Щавиньский сделал предложение в первый раз, и Сабина ему отказала. Она сослалась на молодость, а на самом деле отказ был продиктован совсем другим: она не могла совладать с чувством к Збышку.

— Что же изменилось за последнее время? — осмелился я спросить.— Почему сейчас вы ответили согласием пану, который так молодо выглядит в свои тридцать восемь лет?

После трудного молчания Сабина сказала, что уже давно не встречается со Збышком, видела его мельком в костеле два воскресенья тому назад. Она уже притерпелась к боли, а сперва чуть жизни себя не лишила...

Но разве элегантный закройщик, мотоциклист и картежник вытеснил Збышка из сердца? И что значит «пан Щавиньский мне по душе»? По душе!!! Этого достаточно, чтобы пойти с кавалером в кино или на «танечну забаву». Но этого мало для того, чтобы прожить с человеком жизнь, чтобы мешать свои слезы с его слезами...

— Сабина, скажите мне положа руку на сердце: вы любите пана Щавиньского? Вам

очень трудно было прожить последний год без него? Или, может, вы соглашаетесь стать его женой с отчаяния? Из недоброго желания наказать Збышка? А виноват ли Збышек в том, что поздно вас встретил? Может, этим замужеством вы жестоко накажете лишь себя и свою мать? Сперва я подумал: вы действительно смелая. В нелетную погоду летать... Оказывается, трусиха! Побоялась сказать правду матери! Может, потому вы и решились на такой шаг в отсутствие матери, чтобы не пришлось опускать перед ней глаза, когда она задаст те самые вопросы, которые задаю я?

— Когда человеку долго не везет, он теряет смелость. Что же делать, если фортуна на меня злобится? Такая неучтивая пани — повернулась ко мне спиной. Даже не ведаю, как она выглядит... Если встречу свою фортуну в старости, не смогу узнать...— Шутка прозвучала невесело, и Сабина вздохнула: — От судьбы не уйдешь!..

— А знаете, что ваша мать сказала мне однажды? На судьбу очень любят ссылаться слабохарактерные люди. Так удобно! Рок, судьба, жребий, фортуна... А вы заставьте пани Фортуну повернуться к вам лицом! Станьте хозяйкой своей судьбы!!

Наверно, со стороны наше объяснение походило на семейную сцену.

В эту минуту по аллее проходил лектор, который любезничал с Сабиной в планетарии. На лице его, когда он поздоровался, странно смешались приторная учтивость и враждебное ко мне любопытство. Сабина его вообще не заметила. Я ответил на поклон.

Сабина обольщается тем, что пан Щавиньский не был женат и не разводился. Но так ли важно, что ксендз никогда не соединял узами брака этого самого пана Щавиньского? Ну, а какой образ жизни вел элегантный холостяк, который засиделся в трефовых валетах? Сабина вот исстрадалась от своей несчастливой любви. А страдал ли пан Щавиньский эти полтора года? Можно не сомневаться, что эти полтора года так же, как прежде, место на запятках его мотоцикла не пустовало: он катал всех, кто не прочь был прокатиться, он коротал время с другими червонными или трефовыми дамами — масть для него не имеет большого значения...

Сабина принялась очень внимательно разглядывать свои босоножки. Краска залила ее нежную шею, ухо, висок.

С таким жаром отговаривал я Сабину, словно передо мной была Тереса и от того, выйдет она замуж за этого пана Щавиньского или не выйдет, зависело мое будущее.

Она слушала, приложив руки к пылающим щекам, а потом призналась:

— Я сильно в себе разочаровалась. Ах, пан Тадеуш, если бы вы только знали! Я так себе не нравлюсь! Пусть фортуна делает, что хочет. Мне безразлично...

Сабина шла молча, вперив невидящий взгляд куда-то вдаль, где матово горели фонари. Она все ускоряла шаг, словно хотела убежать от самой себя, или надеялась таким образом унять сердцебиение, или торопилась скорей миновать пустынную аллею, оборвать дальнейший разговор на эту тему.

Мы оказались на широкой, ярко освещенной аллее, затертые неторопливым и плотным потоком праздношатающихся.

Весь вечер, до той минуты, пока [redacted] вышли из трамвая и расстались на ступеньк[redacted] крыльца, Сабина сосредоточенно молчала.

16

Хорошо проснуться, не чувствуя вчерашней усталости! Не спеша поразмышлять-помечтать и все время помнить, что шахтный гудок не загудит для тебя через минуту, через пять минут, не загудит сегодня утром вовсе.

В моем распоряжении утро и весь день; сегодня меня позовет самый поздний гудок. Спущусь с вечерней сменой и пробуду в шахте всю ночь.

Без Сабины утро и день казались бесконечно длинными. Я почувствовал себя одиноким.

Тревога не отступала, и я знал, отлично знал, откуда она. Я только притворялся перед самим собой беззаботным, а на самом деле оставался в плену невеселых размышлений. Ну, а если съездить в Катовице, разыскать магазин «Остатня мода»? Не могу же я в самом деле бесстрастно наблюдать беду Сабины! Обязан вмешаться! Поговорю с этим самым трефовым валетом начистоту, как сделал бы отец Сабины.

Просто грешно не использовать свободный день! Добраться до Катовице совсем не сложно: туда идет тот самый трамвай дальнего следования.

Чем дальше ехал, тем уверенности убавлялось. Я же не знаю, как далеко зашли отношения Сабины с паном Щавиньским! Не поставить бы Сабину в неудобное положение. Да и как этот закройщик отнесется к визиту неизвестного? Кто тебе дал право совать свой нос в чужие дела? В некотором роде — иностранное вмешательство!

Лучше сойти на первой же остановке и повернуть восвояси.

Я уже поднялся с места и направился к выходу, но тут меня осенило: я же могу о Сабине не упоминать! Не заводить разговора с Щавиньским о его матримониальных планах. Прикинуться заказчиком, просто-напросто поглядеть, что это за птица такая. Может, я несправедлив к нему?

Катовице мало чем отличается от других промышленных городов Верхней Силезии, только обширнее, а копоти, пожалуй, здесь [redacted]

Я искал «Остатнюю моду» раздраженный, злой. Будто сам пан Щавиньский пригласил меня в гости, но не потрудился сообщить точный адрес, и вот теперь я вынужден плутать.

Но есть свое очарование в прогулке по городу, куда попал впервые. Любопытство обостряется, когда подходишь к перекрестку. Вот сейчас завернешь за угол и совершенно не знаешь, что за улица, что за дома предстанут тебе впервые в жизни.

Прошел из конца в конец улицу Святого Яна, свернул вправо, прошел еще два квартала и по соседству с ресторацией «Подкрепись!», за фруктовой лавочкой под названием «Румяное яблочко», разыскал наконец ателье «Остатня мода». Искал какое-то шикарное ателье, а нашел жалкий магазинчик. Фамилия владельца на вывеске не значилась. На обочине тротуара стоял мотоцикл «BMW» — не тот ли самый?

Шагал, шагал, пентюх этакий, и не придумал, как вести себя дальше! Надо же сочинить какой-нибудь предлог, прежде чем я открою дверь!

В витрине «Остатней моды» стояли два манекена в рост человека — блондинка и шатенка. Шатенка была одета в модное пальто, распахнутое так, чтобы виднелся костюм. Все-все модное у этого манекена — даже прическа, подчеркнуто небрежная, под Брижитт Бардо, даже глаза нарисованы сообразно с модой — черные тени в уголках глаз, чтобы удлиненные глаза томно зазывали. А блондинка — с длинными прямыми волосами, как у Марины Влади в «Колдунье». Она стояла в трусиках, в бюстгальтере, выкроенном как нельзя более экономно, вызывающе улыбалась и с веселым бесстыдством показывала прохожим свою высокую грудь, крутые бедра и ноги сверхъестественной длины.

Как же мне быть, милые дамочки? Присоветуйте! Вы-то умеете складно врать!

Однако какой же придумать повод для визита? Скажу, что хочу заказать жене костюм. Нет, костюм меня, пожалуй, не выручит. Дамский костюм шьют по мерке или покупают готовый. Ну, а демисезонное пальто?

Я открыл стеклянную дверь, и мелодичный звоночек возвестил о моем приходе.

Скажу откровенно: я не прочь был увидеть какого-нибудь фатоватого прощелыгу с поношенным лицом. А меня встретил человек приятной наружности, хотя и не молодой, но очень моложавый, со вкусом одетый. Я даже огорчился, что Щавиньский такой симпатичный! Пиджак грубого сукна с короткими ру-

кевами, без отложного воротника. Загоревшая, мускулистая шея и такие же руки. Из-под пиджака выглядывает нейлоновая рубашка.

Щавиньский оглядел меня цепкими глазами и, когда я объяснил, что меня привело в ателье, поклонился, пригладил и без того гладкие, будто утюгом выутюженные волосы, расчесанные на прямой пробор.

Хозяин открыл дверь, скрытую портьерой. Он был так учтив, будто давно ждал моего прихода и был бы очень обижен, если бы я приехал в Польшу и не зашел его проведать.

Из неказистого, тесного магазинчика я попал в шикарный салон. Пахло горячим утюгом, слегка подпаленным ворсом сукна. В углу салона, не поднимая головы, безмолвно шил подмастерье. Щавиньский подвел меня к креслу, усадил рядом с манекеном и попросил подождать. Он был занят примеркой.

Кокетливая, молодящаяся пани вертелась перед зеркалом в костюме, который был простеган белыми нитками. Заказчица жеманничала, строила глаза, смотрелась в зеркало так, словно она совсем молоденькая паненка, а зеркало почему-то дает ее отражение с опозданием лет на двадцать пять...

Суетливые руки Щавиньского оглаживали, ощупывали выкройку на заказчице. На безымянном пальце — наперсток и перстень с крупным бриллиантом. Жесты у Щавиньского мелкие, голос вкрадчивый. Улыбка наклеивалась на лицо мгновенно и так же мгновенно стиралась, когда в ней отпадала надобность; глаза при этом оставались безучастными.

Пан Щавиньский продолжал кружить вокруг заказчицы, слегка пританцовывая в такт джазовой мелодии, которую доносило радио. Он одергивал полы, лацканы, обшлага рукавов. В зубах у него были зажаты булавки, в пальцах — мелок. Он поглаживал заказчицу то по сдобной груди, то по туго обтянутым бедрам. Да, да, теперь в моде пышные бюсты, такие, как у ясновельможной пани, как у итальянки Джины Лоллобриджиды или у шведской кинозвезды Аниты Экберг. Пусть кокетливая дура думает, что вскружила голову такому элегантному пану, пусть тешится мыслью, что она неотразима, как много лет назад!

Я терпеливо ждал в кресле, поглядывая на стоящий рядом манекен с узкой талией, на деревянной подставке. Не сделается ли Сабина на всю жизнь манекеном в опытных руках Щавиньского? Разве ее грудь набита стружками или опилками, да еще так туго, что не осталось места для сердца?

Щавиньский вновь кивнул мне, он скоро освободится; в доказательство вынул изо рта последнюю булавку.

И вот уже на меня посыпались учтивые вопросы: какой рост у русской пани, какая талия, на каком каблуке носит туфли, какой колер она предпочитает всем другим, какой у нее вкус?

Пан Щавиньский все время заставлял меня возвращаться мыслями к жене, а именно этого я сейчас не хотел и душевно этому противился. Он и не подозревал, как жестоко мстит мне этими расспросами за то, что я морочу ему голову.

По радио передали позывные местной станции — мелодичные удары молота по наковальне — и стали транслировать «Остатни вядомости». Пан Щавиньский демонстративно поковырял у себя в ухе пальцем, на котором красовался перстень, словно в ухо что-то попало, и выключил радио. Он очень далек от политики. Сантиметром портного очень трудно измерять международные проблемы. Не правда ли?..

Пан Щавиньский забросал меня отрезами, штуками сукна, выкройками — теперь в моде сукно с длинным начесом. Он принес журнал мод. Я и не предполагал, что на меня будет потрачено столько внимания и времени, что я выслушаю столько любезностей, столько раз прозвучит «проше бардзо», «шановный пан», даже «вельможный пан», столько раз Щавиньский озабоченно пригладит свои выутюженные волосы. И все попусту!

Я уже не вслушивался в то, что говорил пан Щавиньский, и думал со злорадством: «Распинайся без толку, проше бардзо! Мне тебя совсем не жалко. А как ты улыбаешься Сабине — тоже по заказу? И может ли человек, который так виртуозно владеет мускулами лица, улыбаться искренне, когда ему и на самом деле хочется улыбнуться?»

Пан Щавиньский притащил откуда-то из закутка еще одно пальто — это модная модель, любимый фасон Люцины Винницкой. Как, пан не знает, кто есть Люцина Винницка? Безмолвный подмастерье поднял голову и тоже снисходительно поглядел на меня. То неможливе! Кинозвезда! Пан не видел фильма «Почонг», по-русски говоря «Поезд»?! Тогда шановный пан обокрал самого себя. А можно легко вернуть убыток. Это обойдется пану всего в десять злотых. «Почонг» сегодня крутят в кино «Студио»...

Небрежно слушал я радушного закройщика. Чем приглянулся Сабине этот человек? И снова в ушах прозвучал глухой, полный сдержанного отчаяния голос Сабины: «Ах, пан Тадеуш, если бы вы только знали! Я так собой разочарована! Совсем себе не нравлюсь. Пусть фортуна делает со мной все, что захочет. Мне безразлично!»

Ну, а что касается любимого фасона Люцины Винницкой, то у нее хороший вкус, мне тоже нравится эта элегантная модель. Я пообещал в следующую среду наведаться в «Остатню моду», чтобы оформить заказ и оставить задаток. Правда, пальто дороговато, но я уверен, что мы с хозяином сторгуемся.

Окончание следует.

Далекое — близкое

Живая легенда

В начале декабря 1917 года на пополнение красногвардейского отряда Московской заставы Петрограда, охранявшего Ставку Главковерха в Могилеве, прибыло пятеро горцев. Среди них — осетин Хаджи-Мурат Дзарахохов.

Много лет этот человек искал счастье и кусок хлеба в Маньчжурии и Мексике, на Аляске и в Америке. За время своих скитаний по свету он научился разговаривать на китайском, испанском и английском языках.

Хаджи-Мурат был старшим урядником одной из сотен конно-татарского полка «дикой дивизии».

Когда «дикую дивизию» бросили на подавление вооружившихся для борьбы с корниловщиной питерских рабочих, он перешел на сторону революции и привел с собой в штаб Красной гвардии Московской заставы Петрограда сотню всадников.

Потом он командовал сводным отрядом кронштадтских, ревельских и гельсингфорсских матросов, который вел бои за овладение Царским Селом, станцией Александровской, Гатчинским дворцом, Пулковской обсерваторией...

Дзарахохова хотели назначить комиссаром кавалерии штаба Красной гвардии Петрограда, но он, сославшись на свою неграмотность и плохое знание русского языка, отказался от высокой должности и просил отправить его на фронт. Так он попал на охрану Ставки в Могилеве.

Красногвардейцы избрали Хаджи-Мурата своим командиром. И вот тогда-то молодые заводские ребята, опоясанные пулеметными лентами, обвешанные чугунными «лимонками»,— Саша Клевадо, Коля Голованов, Саша Скоробогатов и многие другие — записались в красные кавалеристы. Обучение было взаимным — Хаджи-Мурат обучал молодых металлистов кавалерийскому искусству, а рабочие-питерцы обучали его классовой борьбе и политике большевиков.

В августе 1918 года на Двинское направление Северного фронта прибыл отряд Хаджи-Мурата — двадцать восемь кавалеристов. Большинство — рабочие завода бывшего Сименс-Шуккерта (теперь «Электросила»).

О первом же бое конников Хаджи-Мурата командарм телеграфно доносил Главному командованию Севера и Военному командованию Петрограда, что 15 октября противник был выбит с укрепленной позиции под деревней Сельцо и панически бежал.

Особую доблесть, отмечал командарм, проявили коммунистическая рота имени Куликова, моряки 4-го балтийского батальона, рота Рождественского района и конный отряд Хаджи-Мурата.

У доброй славы могучие крылья. Весь Север облетела легенда. Она говорила: сам Ленин на помощь северянам прислал с Кавказа партизанский отряд богатырей Хаджи-Мурата. И воюет он будто на заговоренных, огненных конях. Тех людей и коней ничто не берет: ни пуля, ни снаряд.

Правда, их мало — двадцать восемь! Но какая же это силища, если в Сельце от них бежали 1 500 интервентов.

Так родилась и жила боевая легенда, обрастая все новыми историями.

Костяком эскадрона оставались питерские рабочие. Хорошо воевала в нем и группа из двадцати пяти бывших солдат-фронтовиков, добровольцев Сольвычегодского района. Молодцами оказались и девять донских казаков, и два китайца — Хан Ю-се (Вася) и Чан Юн-тин (Ваня), и единственный матрос с затопленного ледокола «Святогор» Михаил Манин. Были еще и четыре местных северянина, перебежчики из солдат, мобилизованных белыми.

Интересны судьбы некоторых людей этого легендарного эскадрона. Заместитель Хаджи-Мурата Саша Клевадо уже в 1919 году учился в высшей военной школе. Был комиссаром полка и командовал полком в Первой Конной армии. Позже Александр Николаевич — партработник, окончил Военную академию. Сейчас — старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Ленинградского театрального института.

Саша Скоробогатов — рядовой конник в эскадроне Хаджи-Мурата. Когда началась Великая Отечественная война, Александр Романович ушел добровольцем на фронт. Следом за ним (славная преемственность!) добровольцем пошел его семнадцатилетний сын Ким, а затем жена Юлия Дементьевна.

И поныне живые узы боевого братства соединяют уже седых теперь ветеранов, которых водил в отчаянные набеги на интервентов славный сын осетинского народа Хаджи-Мурат Дзарахохов.

Ал. РОГОВ

Э. Калнынь (Рига). ПЕРЕД ПУТИНОЙ.

Н. Карахан (Ташкент). ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ.

ВЕТЕР ИСТОРИИ

Пятнадцать лет назад Константин Федин опубликовал роман «Первые радости», ставший началом большой и многоплановой трилогии писателя. События романа относились к дореволюционному прошлому России, к 1910 году.

За «Первыми радостями» появилось «Необыкновенное лето» — роман о том, как раскованная энергия трудовых масс сокрушала на фронтах и в битвах 1919 года силы, пытавшиеся повернуть историю вспять.

В минувшем году писатель закончил публикацию первой книги третьего романа — «Костер», завершающего трилогию. В нем дальнейшее движение истории — самый канун и начало Великой Отечественной войны.

Действие двух первых романов развертывалось преимущественно в Саратове. Для «Костра» К. Федин избрал, в соответствии с замыслом, другой географический плацдарм — Смоленщину, Брест, Тулу, Москву. Столь поэтично изображенный ранее родной и милый автору Саратов проходит в «Костре» лишь как воспоминание кого-либо из действующих лиц.

Главная, «осевая» тема «Костра» — советский патриотизм. Этой теме посвящены многие произведения советской литературы. Большой и своеобразный художник К. Федин решает ее по-своему. Самобытность его решения [illegible] и в пристальном внимании к внутреннему миру человека, стремлении детальнейшим образом разглядеть, каков он, этот человек, измерить его поступки большой мерой патриотизма.

К. Федин. Костер. Роман. Книга первая Журнал «Новый мир», №№ 8—12 за 1961 год.

Обстоятельные главы, полные подробностей жизни, последовательно вводят в судьбы героев — колхозников, партийных работников, артистов, писателей,— и в этих судьбах мы видим судьбу народа, его жизнь, думы и помыслы перед войной, а затем и в ходе войны. Своеобразной композицию романа делает и обилие в произведении ретроспективного материала. Многое в нем раскрыто способом обращения к прошлому. Это и понятно: ведь с того момента, как мы расстались с героями необыкновенного лета 1919 года, и до встречи с ними в новом романе страшным летом 1941 года пролегло более двадцати лет. Да и каких лет! О многом надо поведать, многое объяснить.

Отмечая своеобразие композиции «Костра» и правомерность объемной ретроспекции, нельзя, однако, не сказать о затянутости начальных глав романа, непомерной заторможенности действия.

Как же изменились герои писателя с того незабываемого 1919 года? Ведь в этом изменении, во многом определившем их участие и поведение в событиях Великой Отечественной войны, прежде всего и заключена идейная сущность произведения.

Когда трилогия вынашивалась еще только в замысле, К. Федин предполагал, что произведение его будет о людях искусства. По собственному его признанию, материал первого романа перекомпоновал замысел, переставил героев, выдвинув на первое место людей, целью и устремлением которых была борьба за революцию. Так появились значительные образы дилогии — Петр Рагозин и Кирилл Извеков.

Рагозин и Извеков действуют и в «Костре» не как эпизодические персонажи, а проходят крупным планом, особенно Извеков. Но больше всего внимания писатель уделяет, однако, людям искусства, поэтому правомерно будет начать разговор с них.

Образ Аночки Парабукиной в дилогии был наиболее светлым, жизнерадостным. Мне он представляется высокой романтической мечтой автора о том, как следует жить человеку вообще, чтобы быть настоящим.

Все лучшие стороны характера Аночки получили дальнейшее развитие в новом романе. Признанный талант, народная артистка Анна Тихоновна Улина честно и бескорыстно отдает себя искусству. Время сформировало ее как человека определенных коммунистических убеждений, и ничто не в состоянии их поколебать.

В этом же направлении развивался и характер Егора Павловича Цветухина, артиста, который в былое время потрясал саратовского зрителя своей игрой.

Сложнее судьба драматурга Александра Владимировича Пастухова. Еще в «Необыкновенном лете» Кирилл Извеков подмечал старческую холодность его души. Там Пастухов был циником и скептиком. Но там же проявлялся и другой Пастухов. Александр Владимирович недостаточно определенен и в новом романе, хотя в ряде сцен (размышления по дороге на дачу, встреча с колхозниками, сдающими для армии лошадей, в саду после вечеринки в день рождения) он не только эмоционально, но и сознательно пытается идти в ногу со временем. Очевидно, трагические события войны ускорят процесс развития драматурга Пастухова, пробудят в нем подлинный патриотизм. Впрочем, не будем гадать...

Слишком самостоятельной, независимой от писателя жизнью живет этот образ в [illegible].

Большие перемены произошли в судьбе Кирилла Извекова. Направленность его пути определена с самого начала. Испытанный боец, преданный коммунист, Извеков после гражданской войны мечтал украшать жизнь людей садами. Он делает это на новой работе в Туле, куда попал как «штрафник» за то, что в свое время дал рекомендацию человеку, который впоследствии оказался мерзавцем. Извеков считает себя ответственным за рекомендацию, но для него глубоко оскорбительна даже мысль о причастности его, Кирилла, к измене отщепенца.

Кирилла Извекова поддерживает его товарищ по гражданской войне секретарь обкома партии Новожилов, который не утратил веры в людей. На горькую шутку Извекова, что он «штрафник» и «во веки веков не станет равноценен своему воспитателю», ибо «произведен из худшего, чем воспитатель, материала», Новожилов отвечает шуткой истинного доверия: «Ты разве росточком немножко не вышел, а материал, я знаю, закаленный».

В дальнейших событиях романа Кириллу Извекову, очевидно, предстоит сыграть весьма большую роль.

Образы Кирилла Извекова и Анны Улиной свидетельствуют о высоте позиции писателя в истолковании времени, пройденного страной между 1919 и 1941 годами, а некоторые из этих лет связаны, как известно, с культом личности Сталина. Культ личности — как это и показано в романе — не изменил природы социалистического общества, не растоптал его высоких нравственных принци[illegible].

Природы не изменил, но вред нанес немалый. К. Федин показывает это, пусть и в незаостренно трагических обстоятельствах. Вред культа — и партийное взыскание Извекова, и черствость Петра Рагозина, и отсутствие настоящих ленинских качеств у председателя комитета партийного контроля...

В сценах, связанных с изобличением культа личности, много тонких и даже тончайших движений души Извекова, высокой человечности. Впрочем, человечностью проникнуты не только эти сцены, а и многие другие: отношение Новожилова к Извекову, Анны Тихоновны к Цветухину во время долгого и тяжелого их пути из Бреста в Москву, забота артистов об Анне Тихоновне в Пинске. Все повествование просвечено подлинным гуманизмом.

В «Костре» К. Федин еще раз блеснул мастерством психологического портрета, владения диалектикой души.

Выразительны в романе картины войны. Это не баталии, не сражения армий, а бомбардировки мирного Бреста, железнодорожной станции, налеты и расстрел беженцев на дорогах... Это самая жестокая, самая бесчеловечная сторона гитлеровской военщины, и тем сильнее выявляет автор человеконенавистническую сущность фашизма, тем острее перекликается голос художника с голосами борцов за мир сегодня.

Первая книга романа завершается первыми днями войны. Герои писателя вступили в самые трудные испытания. Этим испытаниям, тому, как «ветер задувает свечу и раздувает костер», надо думать, и будет посвящена вторая книга.

И. [illegible]

ТОЧНАЯ НАДПИСЬ

В новой книге Бориса Привалова «Надпись на сердце» более восьмидесяти рассказов и юморесок. Действие происходит в горах и лесах, на реках и на морях, в городах и деревнях, на полевом стане и в докторском кабинете, на самолете, в лодке, поезде, кабине автомобиля — всего не перечтешь! Любовь Бориса Привалова к путешествиям проявилась в выборе сюжетов и героев.

Удача Привалова прежде всего в том, что он, почерпнув материал для своих юморесок из жизни, сумел найти почти в каждом факте возможности для построения острых и, как правило, оригинальных сюжетов. Если взять наудачу несколько юморесок хотя бы из первого раздела книги — «Метод Гриценко», «Победитель мастеров», «Эпидемия», «Знакомство с жизнью»,— то станет ясно, какие поистине неограниченные возможности таятся в таком старом, добром приеме, как неожиданная концовка. Автор сборника «Надпись на сердце» показал, что умение строить острый сюжет и занимательную ситуацию, овладение арсеналом юмористической техники приносят успех в создании веселых и содержательных произведений. В сборнике можно встретить и лирическую новеллу («Соловей», «Радостные санки»), и злую издевку («Инициатор», «Критик в клетке»), и добродушную шутку (циклы «Перекресток», «Чемпион рассеянных»), и сатирическую миниатюру («Знакомое лицо», «Тютькин критикует»), и даже романтико-юмористическую легенду («Рождение легенды»).

Жалко, что не все рассказы сборника опубликованы в своих лучших вариантах («Критик в клетке», «Кинохроника»),— в свое время в периодической печати они появлялись в более удачной редакции. Может быть, не стоило включать в книгу и такие юмористические пустяки, как «Душа спортсмена», «Какое это имеет значение?». Эти юморески несколько выпадают из общего плана сборника — боевого, современного, плоть от плоти нашей бурной, кипучей жизни.

Мих. СЕРГЕВИЧ

С СОЛНЦЕМ ПО ПУТИ

Красота рязанских раздолий воспета Сергеем Есениным. Нелегка доля современного поэта, который задался рассказать нам об этом же крае.

Книга рязанского поэта Анатолия Левушкина «Во глубине России» обладает многими достоинствами. У этого скромного, застенчивого человека душа отзывается на все прекрасное: она влюблена в красоту родной земли, в запахи ее трав, лесов, полей, в кипение весенней Оки и влюблена в людей, наших современников.

Такое восприятие жизни характерно для поэзии Левушкина. Он видит и говорит прежде всего о тех, кто преображает любимую землю. Так возникают стихи о Мещере, стихи о рядовых колхозниках.

И главное, о чем следует сказать: у Левушкина, если судить по этому сборнику, многое впереди. Это доказывают отличные лирические стихотворения:

Я солнце познавал
на вкус,
на слух, на запах
и на ощупь.
Смородины радушный
куст
мне подносил с опушки
рощи
наполненные солнцем
[illegible]
густые ягодные грозди.
Я слушал, как в июльский
[illegible]
звенит калиной зыбкий
[illegible]
В промозглой, сумрачной
ночи
смолой и солнцем пахло
[illegible]
Восхода рдяные лучи
я брал веселыми руками.
Мне всюду с солнцем
по пути —
вернее друга нет
на [illegible].
И я хотел бы в строки
эти
хоть искру солнца
принести.

Поэт пишет о своих друзьях, которые рушили гитлеровские твердыни, о строителях новых городов, о мелиораторах, преображающих землю Мещерскую, о трудной, но счастливой любви. В стихах Левушкина возникает привлекательный образ русского человека, влюбленного в свой родимый край.

Н. [illegible]

ПОЛЕЗНЫЕ ОТВЕТЫ

Вы побывали в театре и слушали оперу Гуно «Фауст» с вальпургиевой ночью. Что это за ночь? Вы читали еще об одной ночи — варфоломеевской. А это какая ночь? Что за непобедимая армада? В какой долгий ящик откладывают дела? Почему телец златой? Что такое панча шила? Кто был многострадальный Иов? Жив ли курилка?

Такие и многие другие вопросы возникают у нас при чтении книг и газет, в разговоре, в театре. Мы говорим о бездельнике, что он бьет баклуши, о решительном человеке, разрубающем гордиев узел, о неразлучных сиамских близнецах. В нашей речи много литературных цитат, метких выражений и слов выдающихся людей, так называемых крылатых слов, много библейских образов и понятий, связанных с мифологией. Немало у нас и таких выражений, смысл которых не соответствует прямому значению слов,— мы называем их идиомами. Когда, к примеру, мы говорим «попал пальцем в небо», мы отнюдь не представляем себе длиннорукого человека, упершегося пальцем в небесный свод.

«Из жизни слов» — это небольшая книга Э. Вартаньяна, разъясняющая некоторые из крылатых слов, напоминающая о мифах древности. С интересом читается и предисловие Л. Успенского.

И. УРАЗОВ

В О Р О Б Е

А. СТАРКОВ

Я выношу воробья в заголовок этой истории потому, что из-за него, собственно, из-за воробьишки-то, все и приключения.

Место происшествия: город Новосибирск, точнее, станция Сибирская, что на самой его окраине, перевалочная база строителей, склад.

Время: прошедшее лето, воскресенье, шесть часов вечера.

Что же произошло?

Утром на базу прибыли три железнодорожных бункера с битумом. Был он еще тепленький, сгустившийся, но не застывший. Застыть ему мешало сильно палившее солнце. Битум выгрузили в бассейн, в специальный такой резервуар, а проще говоря, в глубокую яму с пологими краями. И образовалось посередине складского двора черное, чуть дымящееся и терпко пахнущее озерко. День, как я уже сказал, был воскресный, и база пустовала, если не считать воробьиных стаек, которых привлек запах нефти. Они вились кругами, спиралями, но не снижались. Что-то их удерживало на высоте, может быть, некоторый жизненный опыт, подсказывавший им, сколь коварна эта привлекательно пахнущая смола. И лишь некий удалой воробьишка, такой же серенький с виду, как и прочие, но явно сорвиголова, с каждым заходом все снижался и снижался над ямой и уже прицеливался в какую-то точку вострым своим клювиком. Прицелился и клюнул на лету, подцепив капельку смолы. Она слепила ему половинки клюва, но это не убавило пылу у нашего пострела. Он снова прицелился и теперь уже клюнул, приземлившись на одну ножку. А она хвать — и прилипла. Он хотел ее отодрать и для этого попробовал оттолкнуться второй ножкой, но и она прилипла. Тогда он взмахнул посильнее крылышками, правым, левым — и оба припечатались. Он дернулся-дернулся и увяз в густой, липкой, засасывающей массе. А соплеменники его, видя такое, покружились-покружились над бедолагой, посочувствовали ему по-птичьи, помахав крылышками, благо они у них были неприлипшие, сделали прощальный круг и взметнулись ввысь, оставив невезучего воробьишку погибать в жестоком одиночестве.

И пропасть бы птахе ни за понюшку табаку, если б не дыра, не пролом в заборе, если б не зоркие мальчишечьи глаза, заглянувшие в тот пролом.

— Птичка! — крикнул мальчишка.

И к нему подбежали еще трое мальчишек. Я уж сразу всех назову, всех четырех, поскольку они так или иначе будут фигурировать в этой истории с воробьем. Первым увидел птицу Валерка Кривощеков, ученик 2-го класса, октябренок. К нему подбежали Борька Кривощеков, его братишка, ученик 4-го класса, пионер, Витя Фучко, их приятель, ученик 3-го класса, пионер, и Сережка, фамилия которого не установлена, не пионер и не октябренок и вообще единица, не охваченная еще системой народного образования.

— Птичка! — крикнул Валерка.

— Вот бедняжка,— посочувствовал Борька.

— Ужасно нахальные эти воробьи,— сказал Витя Фучко, очень рассудительный мальчик. — Суются, куда не следует. Теперь страдает.

Сережка ничего не сказал: он размышлял, плакать ему или не плакать.

— Надо вытащить! — сказал Валерка.

— Как его вытащишь? — спросил Борька.— Смола! Знаешь, какая она липучая.

— Это не смола,— уточнил Фучко.

— Ну, не смола — нефть.

— И не нефть, а нефтебитум, строительный материал такой, я знаю.

— Надо вытащить! — сказал Валерка.

— А как к нему подползешь? — спросил Борька.

— Вот еще, пачкаться из-за паршивого воробья! — сказал Фучко.

— Он вовсе не паршивый,— возразил Валерка.— Он птица!

А Сережка все еще не решил, плакать ему или не плакать.

— Ну его, воробья этого! — махнул рукой Фучко.— Пошли, ребята!

Но Валерка был уже там, по ту сторону забора. Он пролез в пролом, скинул сандалишки и осмотрелся. Действия его были стремительны, но не безрассудны. Он знал, что лучше всего ступить на смолу мокрыми ногами. Об этом говорил ему его крошечный жизненный опыт. Он видел однажды, как вытаскивали увязшего в смоле козленка. Тянули-тянули — никак не могли вытащить. А пришел какой-то дед, плеснул на козленка воды из ведра — и тащить стало проще... Водичка нужна! Вон бочка с водой. Валерка подбежал к бочке, облил ноги. И для воробышка зачерпнул воды — ладошками, сложенными лодочкой, да еще в рот набрал.

Воробей увяз в битуме посередине ямы, метров пять до него. Валерка преодолел это расстояние в три прыжка. Мокрые ступни не прилипали к битуму. Валерка присел на корточки, потом на колени. Воробышек, лежавший бочком, и шелохнуться уже не мог. Он только жалобно поглядывал на Валерку одним своим карим глазом, другой был залеплен смолой. Валерка брызнул на него водички, сколько донес. Воробей чуть шевельнулся. Нужно осторожно, тихонечко высвободить ему крылышки. Это удалось не без потерь: перышек поубавилось. Но что перья — жизнь дороже! Теперь — ножки. Левая как-то быстро отлепилась, а с правой Валерка повозился. Дернешь посильней — можно и вовсе оторвать... Эх, еще бы водички! Но можно и слюнями. Вот так, и правая ножка высвободилась. Но тут начали вязнуть собственные Валеркины ноги. Подсохшие пальцы, коленки впечатались в битум. Но Валерка не замечал этого, пока вызволял птичку. Вот она у него уже на ладошке. Вид у тебя, воробьишка, незавидный, облезлый. Но лететь можешь? Можешь! Так давай сматывайся и будь впредь осмотрительней, не нахальничай. Вот ты и на свободе! А спаситель твой, храбрый Валерка, увяз уже в битуме по колени. Неумолимая сила засасывает, затягивает его снизу. Он хочет руками оттолкнуться, но и руки ушли в смолу. Не вылезти, не выбраться. Страшно становится Валерке.

— Ребята,— кричит,— спасите!

Борька уже возле ямы, топчется, глядит, где бы получше спуститься. И Витя Фучко тут.

— Я,— говорит,— предупреждал. Предупреждал я. Нечего было связываться с этим воробьем. Вот, пожалуйста...

А Сережка решил наконец, плакать ему или не плакать. Он заплакал. Стоит у забора и ревет.

— Ребята, спасите! — кричит Валерка, которого уже по грудь засосало.

И Борька прыгнул спасать братишку. Как был, в сандалиях, в брючках. И тут же, у самого почти края ямы, увяз. Фучко схватил его за руку, но Борька все-таки тяжелый, вниз уходит, сейчас и Фучко за собой потянет. Валерка кричит: «Спасите!», Борька стонет: «Ой-ой!», Сережка ревет у забора — вот какая обстановка.

— Я побегу за людьми,— сказал Фучко.— Держитесь, ребята! Я быстро.

И он побежал. Сережка тоже хотел с ним. Но Фучко крикнул:

— Стой у забора. Чтобы люди видели, куда им бежать.

Он все-таки очень рассудительный, этот мальчик.

День воскресный. Возле склада никого. На путях ни души. До дежурного на станции далеко. Да он и не побежит сюда, ему нельзя бросить пост. Он начнет по телефону звонить, людей разыскивать. Где могут быть люди? На шоссе, у автобусной остановки? Туда тоже далеко, но там обязательно должны быть люди. И мальчик побежал вдоль железной дороги, к шоссе. Вон маневровый паровоз бегает, машинист высунулся. Отсюда крикнешь — он не услышит. А вон веселая компания вышла из лесу. С гармошкой, песни поют. Поднялись по насыпи, идут навстречу. Впереди мужчина в белой рубашке, высокий, громче всех поет.

— Дяденьки! — кричит Фучко.— Тетеньки! Ребята тонут...

Смолкла гармошка, оборвалась песня.

— Где тонут? — спросил высокий.

— Вон там...

— На озере?

— Не, на перевалочной...

— Где ж там тонуть?

— Битум там...

— Ох! — рванулся высокий.— Это ж страшное дело!

Прыгнул с насыпи и побежал к складу, широко размахивая правой рукой, прижав к груди обрубок левой. Вот забор, вот и плачущий страж возле пролома. Человек быстро, ловким ударом выбил еще доску и оказался во дворе. Перед ним было черное нефтяное озерко, и сразу, с ходу он ничего не разглядел на этом фоне. Он только услышал тихий голос:

— Дяденька, спа-сите...

И другой такой же голос:

— Дяденька, спасите...

И тут он увидел два темных бугорка над черной смолой, две ребячьи головенки, торчащие из битума. До одной можно руками дотянуться, у самого «берега» она. А другая посередине ямы, подбородок ушел уже в битум, сейчас смола подбирается ко рту, сейчас она зальет губы; мальчишка, чувствуя это, крепко сжал их, он дышит носом, но минута-две — и страшная густая масса сомкнется над его головой... Человек сбросил с себя рубашку, брюки. Туфли не поддавались, расшнуровывать их он не стал, остался в туфлях. Схватил доску, кинул ее на битум, прыгнул на доску, с доски на битум и оказался посередине ямы, возле гибнущего Валерки. Человек понимал, что одному ему не вытащить мальчугана. Но прыжок его не был безрассудным. Он знал, что вот-вот подбегут люди. А пока подбегут, он не даст смоле поглотить мальчишку. Он присел над ним и, тоже затягиваемый, засасываемый битумом, начал высвобождать Валеркину голову, начал разгребать смолу вокруг Валеркиной головы. Он делал это правой рукой, а искалеченной левой, обрубком ее, упирался в битум, и она уходила туда все глубже и глубже. Да и весь он все глубже и глубже уходил в смолу...

Тем временем на перевалочную базу сбегались со всех сторон люди, скликаемые Витей Фучко, который оказался не только рассудительным, но и расторопным мальчиком. Прибежали машинист с маневрового паровоза и его помощник. Прикатили на велосипедах два спортсмена, которые участвовали в каких-то гонках на шоссе и которых Фучко перехватил прямо с этапа гонки. Прибежали другие люди, много людей. Набросали досок, нанесли веревок. Вытаскивали мальчишек долго. Главным тут было — не торопиться. Не давать смоле засасывать их дальше, но тащить медленно, не торопясь. Битум не только затяги-

Й

...вает вниз, но и сдавливает. Потому вытаскивать надо было осторожно, высвобождать плавно, без рывков, чтобы не повредить мальчишек. С час тянули. А вытащили — другая забота: как с них смолищу соскоблить? Она ж толстенным слоем. Ножами сдирали одежку... Прибежала мать братишек. Увидела своих сыновей черными, смоляными — заплакала, запричитала. А Валерка ей и говорит:

— Не плачь, мам, мы уже спасенные...

Потом их повезли в больницу — мальчишек и человека с одной рукой, он тоже был весь в битуме. В больнице их отмыли, натерли трансформаторным маслом. Не удивляйтесь, что трансформаторным. Это — лучшее средство против битума, против разъедания кожи. Чистенькие, намасленные, побежали братишки домой. От них еще долго-долго пахло неф-[illegible]...

Вот, собственно, и вся история. Маленькая история о том, как Валерка спас воробья, как Борька спасал Валерку и как взрослые спасли того и другого.

Но я хотел бы еще немного про человека с одной рукой.

Надо назвать его имя: Ящук Анатолий Климович, контролер со стрелочного завода.

Он потерял руку на войне. Он потерял ее так: разведчики шли через минное поле. С ними был сапер, который нащупывал дорогу миноискателем. И вдруг щуп отказал. Сапер остановился, и все остановились. А поле нужно было форсировать. И тогда первым пошел разведчик Ящук. И когда они уже выходили из опасной зоны, взорвалась мина. Ящук упал. Он выронил автомат из левой руки. А в правой у него была противотанковая граната. Он хотел поднять автомат, но сделать это левой рукой не смог: ее перебило. Тогда он взял его в правую, вместе с гранатой. Поднялся, упал, снова поднялся и пошел дальше с товарищами.

Теперь про его отца. Отец был стрелочником вот тут же, на станции Сибирская. Тут и погиб... В зимнюю метель чистил стрелку. А на путях работал обходчик. И вдруг из-за моста вылетел снегоочиститель. Стрелочник успел бы отбежать. Но он кинулся к обходчику, который ничего не видел, не уходил. Стрелочник столкнул его с рельсов, успел. А сам остался на рельсах... Таким был отец Анатолия Ящука, спасшего Валерку.

Вот сейчас, кажется, все. Нет, еще совсем немножко про воробья. Все-таки он в заголовке этой истории. Надо им и кончить. Но что сказать про воробьишку? Почистился, наверно, приосанился, новые перышки выросли. Летает по-прежнему. Летает и всем птицам рассказывает о том, что приключилось с ним на перевалочной базе прошлым летом...

Письмо из Пятигорска

Он вернется в строй

(Начало см. на стр. 4 и 5).

— Чувствую себя лучше, хотя усталость после долгой поездки в поезде еще не прошла. Пожалуйста, передайте редакции «Огонька» и многим советским людям, принявшим такое большое участие в моей судьбе, сердечную благодарность.

Эти слова услышали мы в залитой солнечным светом палате Пятигорской клиники бальнеологического института от Николая Ивановича Васильева. Говорит он взволнованно, искренне тронутый заботой простых людей.

— Уход за мной хороший, врачи и сестры, весь коллектив клиники встретил меня очень тепло, и я очень доволен, что приехал сюда.

Немного дней прошло со времени приезда Николая. Процесс интенсивного лечения уже начался. Когда мы вошли в палату, у постели больного находилось двое врачей. Лечение ведется под руководством научного сотрудника клиники Владислава Павловича Кесселя. Большую заботу о Васильеве проявляют медицинские сестры Антонина Ивановна Винникова и Софья Ивановна Строева.

— Полиартрит — болезнь тяжелая, — говорит главный врач клиники В. М. Духовской. — Она может вывести из строя молодого человека, лишив его движения. Но вылечить можно. Недавно у нас на лечении находилась молодая девушка К. Ее положение было такое же, как и у Васильева. Врачи немало потрудились, чтобы поставить ее на ноги. Сейчас она ходит без костылей, а ведь раньше она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Мы сделаем все для лечения Васильева, а для этого уже есть немалое: вера всего коллектива и вера больного в положительный исход лечения.

— Убежден, — говорит В. П. Кессель, — что Васильев будет самостоятельно принимать пищу, одеваться, сидеть, писать, рисовать. Затем свяжемся с каким-либо институтом ортопедии для выработки движений в суставах больного.

— Мы, врачи, довольны моральным состоянием Васильева. Он любит читать, из библиотеки ему приносят книги, газеты, журналы. А по вечерам Николай может смотреть телепередачи.

Разговор продолжает В. М. Духовской:

— В медицинской практике инфекционный полиартрит — болезнь не такая уж редкая. А не пора ли подумать о создании на Кавказских минеральных водах, конкретно пятигорских, с их могучими целебными водами, специального санатория для лечения этой тяжелой болезни!

Борьба за выздоровление Николая Ивановича Васильева началась. Успехов вам, люди в белых халатах! Возвращения в строй тебе, Николай Васильев!

Ю. БОТЕВ

ДНИ БОЛЬШИХ СТАРТОВ

С большим нетерпением ждали мы мужского чемпионата СССР по скоростному бегу на коньках. Ведь этот чемпионат должен был явиться своего рода генеральной репетицией перед первенством Европы и мира. Какова же спортивная форма наших спортсменов? Готовы ли они к встрече с сильнейшими зарубежными конькобежцами?

Результаты чемпионата СССР известны. Победу одержал Борис Стенин, на втором месте остался Виктор Косичкин, а бронзовую медаль завоевал молодой спортсмен из Минска Эдуард Матусевич.

Камнем преткновения для Косичкина стал бег на 1 500 метров. В Горьком, несмотря на возросшую плотность результатов в сумме многоборья, на ключевой дистанции — 1 500 метров — были вообще показаны далеко не лучшие результаты. И это настораживает больше, чем проигрыш Косичкина.

Уж если кто и выступил на чемпионате Союза ниже своих возможностей, то это Роберт Меркулов. После блестящего финиша на Спартакиаде народов РСФСР в Свердловске от него ждали большего. Четвертое место — это не результат для такого скорохода.

Незадолго до первенства в Горьком я разговаривала с Виктором Косичкиным, и он в отличие от тренеров и многих участников, заранее предсказывавших ему победу, не был уверен в успехе. Судя по показанным им секундам, Виктор лишь на пути к высшей спортивной форме. Он неплохо пробежал 5 000 и 10 000 метров, но результат на дистанции 1 500 метров показывает, что он еще не достиг сочетания выносливости со скоростью.

Радует «скачок» инженера Зау[illegible] Матусевича. На минском льду З. Большакова, его первый тренер, неплохо подготовила молодого конькобежца, а затем дело завершил заслуженный тренер СССР И. К. Кудрявцев.

Римма ЖУКОВА,
заслуженный мастер спорта

Фото В. Светланова.

Абсолютный чемпион СССР Борис Стенин.

Г. С. Титов в гостях у художника

Давняя дружба с летчиками у художника Анатолия Никифоровича Яр-Кравченко.

В мастерской у Яр-Кравченко побывал Герман Степанович Титов.

С интересом рассматривал он рисунки художника, особенно портреты пилотов.

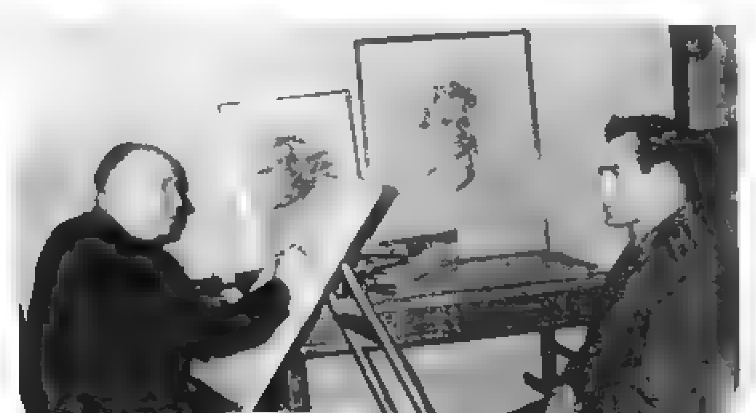
— Я часто встречался с отважным летчиком Дмитрием Осналенко, дружил с ним.— И Анатолий Никифорович рассказал Титову романтическую историю.— У Осналенко была любимая девушка, разведчица. Уходя на одно опасное задание, она подарила Дмитрию на память сиреневый шарф. Из разведки девушка не вернулась. Тяжело переживал Осналенко гибель любимой. Ее памяти он посвятил поэму «Сиреневый шарф». А когда в одном из боев Осналенко погиб, друзья, найдя его тело, увидели на шее сиреневый шарф...

За беседой время пролетало незаметно. Титов согласился позировать художнику, который оказался его земляком — ведь Яр-Кравченко тоже сибиряк.

Портрет, сделанный Яр-Кравченко, понравился Титову, он надписал его.

А. КРУПНОВ

Художник А. Н. Яр-Кравченко пишет портрет Г. С. Титова.
Фото И. Снегирева.

Ирочка проснулась.

Вова, подожди меня!

Одну минутку!.

Начали!

Спасибо доброму капитану Надо!

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ЗА

И. ВЕРШИНИНА, И. ТУНКЕЛЬ

Раннее утро. В комнате тихо и темно.

В это время обычно просыпаются дети. Тот, кто постарше, смотрит на часы и... натягивает одеяло на уши. Тот, кто поменьше... У тех, кто поменьше, положение труднее. Что толку смотреть на часы, все равно не узнаешь, вставать или поворачиваться носом к стенке.

Ирочка встает вместе со своим двоюродным братишкой Вовой. Ну, а пока Вова спит, Ирочка, чтобы не заснуть, шепотом рассказывает себе сказку.

— По морю, по океану плыл большой корабль. Но матросы на нем были не взрослые, а ребята —

Самое трудное «упражнение»...

До чего не хочется

Как хорошо!

...РЯДКИ

школьники, такие, как Вова. А командовали тем кораблем два капитана — добрый и злой. Одного звали Хочу, а другого — Надо.

Эту сказку Ирочке вчера рассказывал Вова. Вова тоже моряк. Он ходит в клуб юных моряков-полярников и плавал летом на каком-то учебном корабле. Стоял у штурвала. Нес вахту. Дневалил. Тетя Зина — его мама — часто говорит: «Наверное, капитан там был волшебник, если мог заставить нашего Вову мыть пол, чистить картошку...»

А в сказке капитан Надо заставлял ребят все делать: стелить кровать, убирать корабль, мыть руки, чистить зубы, слушаться старших, в общем, выполнять разные скучные дела. Но ребята почему-то его любили. И даже Вова называл его добрым капитаном.

Ирочке больше нравился капитан Хочу. Он разрешал ребятам делать все, что им захочется. Бегать по лужам? «Пожалуйста!» Валяться в кроватке? «Хоть до вечера!» Нет, наверное, Вова что-нибудь напутал. Конечно, капитан Хочу добрее!

А что же дальше случилось с кораблем? А дальше он приплыл к необитаемому острову. Но Ира не знала, что такое необитаемый остров. И забыла вчера спросить...

В этот момент по комнате разнеслась пронзительная дробь будильника, словно сигнал горниста...

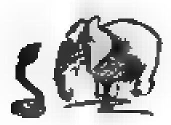
Будильник заводил Вова. От звонка просыпался весь дом, кроме Вовы. Ира поэтому и старалась проснуться раньше остальных, что-

Итак, с утренней зарядкой покончено.

М. МАЛИШЕВСКИЙ

Скирли

Рисунки В. Черникова.

Слон и Змея

— Почему тебя считают мудрой, а меня только умным? — спросил Слон Змею.— Неужели потому, что ты гладкая и блестящая?

— Потому что я гибкая! — отвечала Змея.

Маленькие Обезьянки

Дали Обезьянкам финики двух сортов: с косточками и без косточек.

Кушают Обезьянки финики и спрашивают:

— Зачем в эти финики косточки вкладывают? Все равно вынимаем!

Писатель и бюст

Писатель писал романы, из которых делали папье-маше.

Из папье-маше делали формы для бюстов этого Писателя.

Бюст за бюстом — Писатель приобретал популярность.

Заяц-картежник

Заставил Заяц Мышку играть с ним в карты. Думает: «Обыграю Мышку!»

Мышка брусничный листок на кон положила, а Заяц крапивой кроет!

Мышка кладет черносмородиновый, а Заяц его сныткой!

Мышка ландышевый листок сорвала, еле несет, положила, а Заяц на него лопух!

Мышка повернулась, положила на лопух хвостик, а Зайцу и крыть нечем.

Школа Филина

— Дети! Ученье — тьма! Неученье — свет!

Превращение Петуха в Осла

Петух гордо ходил по ослятнику и требовал от Ослов выдать ему, Петуху, удостоверение в их собственной, Ослиной, глупости.

Ослы резко отказывались.

Петух апеллировал к фактам.

Ослы отрицали факты.

Петух обратился к литературе.

Ослы литературу оклеветали.

Петух призвал на помощь науку.

Ослы ошельмовали науку.

Петух дошел до философии и указал, что философия тоже не отрицает глупости Ослов.

Ослы злопыхательствовали и на философию.

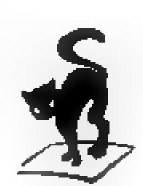
Петуху ничего не оставалось, как обратить внимание на то, что он сам превращается в Осла.

Ослы заметили это, радостно закричали и, потеснившись, дали новому Ослу место у яслей.

Человек и Костюм

Костюм сказал Человеку:

— Нехорошо! Во время беседы ты незаметно начинаешь подменять меня!

Кот и скирли

— Сколько же всего у тебя скирлей? — спрашивает меня мой черный Кот, который лежит на столе, покалывает когтем мои рукописи, того гляди, их опять свалит на пол и мурлычет.

— Я их не считал! — откровенно говорю Коту.

— Почему? — зевает Кот, потягиваясь.

— А потому, что, пока их считаешь, обязательно напишешь новую, с тебя же, мерзавца! Как же сосчитать?

Рукописи летят на пол.

— А где же ваш Кот? — спрашивает гость.

— Нету!

— Выгнали?

— Нет!

— А что же вы с ним сделали?

— Выдумал!

Теперь надо решить еще одну трудную задачу: Вова — раз, тетя Зина — два, бабушка — три, дядя Коля — четыре. А кому же пятый прибор?

Вилку слева, нож справа, а тарелку в середине.

бы с первой трелью звонка бежать к Вове.

У них теперь соревнование, кто лучше сделает зарядку, умоется, оденется, быстрее позавтракает.

Так начался Ирочкин день. Сколько препятствий должна была преодолеть девочка: вылезать из теплой постели не хотелось, и тапочка запропастилась, и Вова не хотел ее подождать, и пуговицы лифчика не застегивались, и так не хотелось «делать раз, делать два».

А все равно делать надо, и кто этого не понимает и говорит «не хочу», тому Ирочка рассказывает свою любимую сказку. «По морю, по океану плыл корабль. И было на нем два капитана: один добрый, красивый, его звали Надо — он очень дружил с пионерами, отличниками и вообще с хорошими ребятами, а другого звали Хочу, и это был друг лентяев — вот тех, кто утром не делает зарядку...»

Я сегодня хорошо делала зарядку, возьмешь меня с собой?

Еще одно усилие — и капитан Надо будет доволен.

В ЧЕМ ВИНОВАТ ПЕТУНКА

Карел ВЕРАН

Заведующий Тоупал по рассеянности чуть было не попал под грузовик. В последний миг кто-то схватил его за руку и оттащил на тротуар. Тоупал огляделся и оцепенел, ибо в спасителе узнал своего подчиненного Петунку.

Придя в учреждение, Тоупал заперся в своем кабинете. Уселся за письменный стол и с болезненным выражением лица сказал самому себе:

«Надо же было случиться этому именно со мной! И почему в тот момент рядом со мной оказался не кто-нибудь, а Петунка, когда по утрам на улицах ходит столько других людей? А сколько мне пришлось поработать над воспитанием Петунки!.. Прежде о нем было известно, что на работу он опаздывает, полдня рассказывает, как учит говорить скворца, а остальное время болтает по телефону с сослуживцами. Это я сделал из него порядочного служащего, а теперь выходит, что весь мой труд пропал даром».

Заведующему Тоупалу становилось ясно, что Петунка от сознания того, что он спас жизнь своему начальнику, станет позволять себе много лишнего и что уже завтра ему не захочется приходить вовремя на работу. Его поведение станет плохим примером для остальных, и тогда начнется падение. Образцовое отделение, которое в лице заведующего удостоилось многих почестей и наград, покатится в пропасть.

«Сейчас Петунка, наверное, сидит и пучится от спеси,— думал заведующий. — Еще бы! Спасти жизнь вышестоящего начальника — это не безделица. Такое посчастливится не каждому».

Чтобы удостовериться в чванстве виновника происшествия, заведующий отправился на обход отделения.

Петунка сидел на своем месте и работал, делая вид, что ничего не случилось.

«Притворяется! — заключил заведующий Тоупал. — Будто спас начальника, так сказать, мимоходом, а сам наверняка уже успел кое-кому разболтать об этом».

Недовольный Тоупал вернулся в свой кабинет. Но, вопреки его ожиданиям, никто так и не пришел разузнать подробности утреннего происшествия.

Чувство горечи овладело заведующим.

«Неужели этот прохвост не придает этому событию никакого значения? Придержал меня за локоть, потом опять отпустил и уже больше об этом не думает. Значит, у него есть какие-то другие интересы, вместо того чтобы заниматься особой заведующего.

А где это вообще написано, что он меня спас? — продолжал раздумывать заведующий. — Вполне вероятно, что в самый последний миг я бы отскочил, а находчивый шофер успел бы затормозить. И тогда у Петунки не было бы повода схватить меня за руку, словно клешней. Это будет чудо, если у меня на руке не окажется синяка».

Заведующий Тоупал ощупал руку. При таком поверхностном исследовании ушиба он не обнаружил. Ну, а что, если рука начнет болеть? Спустя несколько минут ему уже казалось, что рука и в самом деле начинает побаливать.

Он быстро идет в канцелярию. И снова застает Петунку склонившимся над бумагами.

— Утром вы наподдали мне как следует, — говорит заведующий строго, — еще и теперь не чувствую руку.

Удивленный Петунка поднимается со стула и, заикаясь, начинает извиняться.

— Ну, хорошо, хорошо, — сухо говорит заведующий.

Его настроение сразу улучшается. Уже сидя за своим столом, он грозит стене, за которой работает Петунка:

— Попробуй только опоздать завтра на работу — и увидишь!

Перевел с чешского П. Бугорнов.

Встреча писателя с читателями

Адорьян ШТЕЛЛА

Писатель прибыл на маленькую железнодорожную станцию. Встреча была теплой. Шестилетняя дочь ветеринара преподнесла ему букет цветов, а заведующий сектором культуры обратился к гостю с приветственной речью:

— Мы счастливы, маэстро, приветствовать вас в нашем городке. Мы не ждем от вас обстоятельного доклада о литературе. Наша цель иная: непринужденная, товарищеская беседа. Об этом говорит и название нашего вечера: «Встреча писателя с читателями». Добро пожаловать!

В Доме культуры собралось много народу. Почетного гостя усадили за покрытый красной скатертью стол президиума. Справа место занял пожилой председатель исполкома (подчеркнутое уважение), слева — только что окончившая гимназию очаровательная сестра заведующего сектором культуры (художественное наслаждение).

Началась непринужденная беседа. Окончившая гимназию девушка, представившаяся Верой, тотчас же вытащила листок бумаги.

— Ну, теперь пойдут автографы! — вздохнул писатель.

Он ошибся. Девушка мило защебетала:

— Я прочту стихи, написанные в вашу честь, маэстро!

Прочла.

— Очень мило! — проговорил писатель.

— О, у меня есть много стихов! — продолжала Вера.— Мне бы хотелось, чтобы вы кое-что прочитали. Я так высоко ценю ваше мнение!

Писатель одним глазом просматривал стихи, другим косился на девушку. Он предал литературу: девушка интересовала его значительно больше. Однако его глазам не долго пришлось отдыхать на приятном личике Веры: подошла ветеринарша, мамаша девочки, преподнесшей ему на вокзале цветы, и протянула толстый пакет.

— Это от моего мужа,— сказала она.— Он такой скромный человек, что я не раз говорила ему: из тебя никогда не выйдет писатель. А ведь многие его статьи печатались в специальных изданиях. Он написал пьесу для телевидения. Очень прошу вас, товарищ писатель, прочтите ее и, если вам понравится, передайте компетентным людям. Но если пьеса не понравится, все равно я прошу вас передать ее в соответствующие инстанции. Вы ведь не бог, товарищ писатель, можете ошибиться, не правда ли?

Рукописи продолжали поступать. У каждого из присутствующих в зале нашлась новелла, пьеса, очерк, текст песни или, по крайней мере, маленькая эпиграмма. Писатель не успевал прослушивать творения читателей.

Поздно вечером его отвезли на станцию. Сам начальник станции произнес на прощание несколько прочувствованных, искренних слов. Его жена протянула гостю пакет.

— Вам на дорогу,— проговорила она с пленительной улыбкой.

— Продукты? — радостно спросил писатель, и глаза его заблестели.

— Что вы! Я написала историческую трагедию. Надеюсь, вы будете столь любезны, что прочтете ее в купе. До Будапешта путь долог. А потом напишите мне свое мнение.

Дома писателя спросил его друг:

— Ну, как поездка?

— Блестяще! Только следовало бы изменить название вечера. Я бы предложил так: «Встреча писателей с читателем».

Перевела с венгерского Елена Тужаркина.

СЮРПРИЗ ЦИТРУСА

Мы не едим апельсин с кожурой, потому что она грубая и горькая. «Ничего подобного, она может быть нежной и сладкой»,— скажет сухумец, отведавший цитрусовый плод юнос. Однако против такого утверждения возразит житель Японии, где юнос издавна культивируется лишь как декоративное дерево, украшенное множеством похожих на апельсинчики солнечных плодов, очень ярких, но, к сожалению, абсолютно несъедобных.

Так кто же прав?

Ленинградский ботаник Г. Н. Шлыков привез из Японии юнос и высадил в Сухуми. Более двадцати лет деревца не зацветали и вдруг зацвели! Сюрприз следовал за сюрпризом. Плоды юноса на Черноморском побережье оказались необычными; их можно есть целиком, кожура у них даже слаще сочной мякоти. В этом нет ничего загадочного. Известно, что среда — могучий фактор, влияющий на свойства растения. В данном случае она «переделала» юнос в лучшую сторону. Теперь остается только размножать его черенками.

О. КАРЫШЕВ

Ленинград.

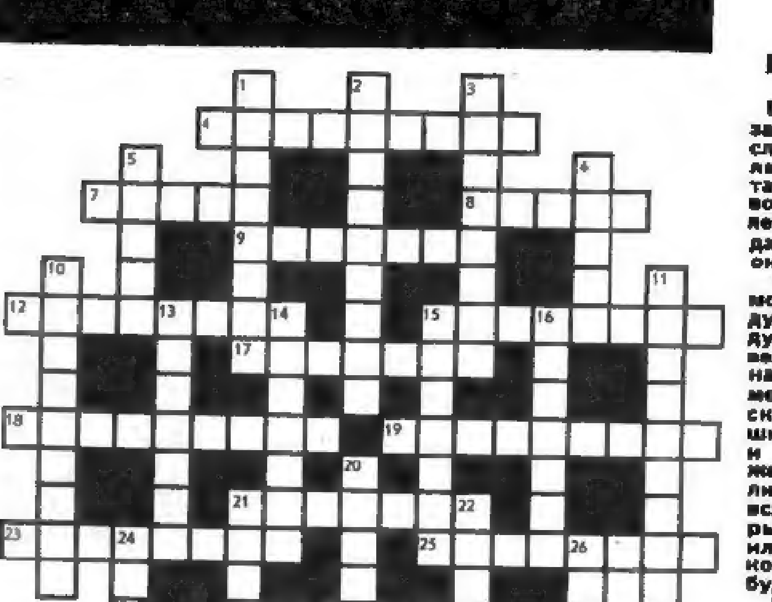
КНИЖНЫЕ ЗНАКИ Р. КЕНТА

Американский художник Рокуэлл Кент — автор многих экслибрисов. Сегодня мы печатаем книжные знаки, изготовленные им для собственной библиотеки и для собрания тамбовского коллекционера Н. Никифорова. Рисунок символичен: свет — знания, идущие из книги, в руках человека.

В. ЗЕМСКОВ

По горизонтали:

4. Пьеса И. С. Тургенева. 7. Рама автомобиля. 8. Роман А. Доде. 9. Столица союзной республики. 12. Дробная часть логарифма. 15. Состояние вещества. 17. Европейское государство. 18. Персонаж итальянской комедии масок. 19. Должностное лицо, осуществляющее надзор и контроль. 21. Растение, в листьях которого содержится щавелевая кислота. 23. Спортивное оружие. 25. Русский композитор XIX—XX веков. 27. Радостное настроение. 28. Кондитерское изделие. 29. Способ печатания. 30. Народный художник СССР.

По вертикали:

1. Древнеиндийский поэт. 2. Ценное вещество с переливчатой окраской. 3. Детский киножурнал. 5. Сигнал тревоги. 6. Коническая насадка для регулирования струи жидкости или газа. 10. Музыкант. 11. Последователь, приверженец. 13. Драгоценный камень. 14. Один из семи холмов Древнего Рима. 15. Богатая хлебородная область. 16. Действующее лицо драмы Л. Н. Толстого «Живой труп». 20. Пилот безмоторного летательного аппарата. 21. Устройство для перемещения обрабатываемых изделий. 22. Специальность ученого. 24. Китобойная флотилия. 26. Совокупность действий, событий в художественном произведении.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

5. Финляндия. 8. Эскимос. 9. Бакелит. 10. Аренга. 12. Сантим. 17. Стопор. 19. Ажаев. 20. Готика. 22. Гастелло. 23. Методика. 24. Оксана. 26. Искыр. 27. Ракурс. 29. Ураган. 32. Анализ. 34. Диктант. 35. Плиоцен. 36. Консилиум.

По вертикали:

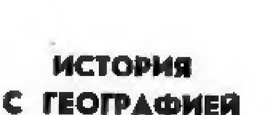
1. Рихман. 2. Пляска. 3. Анабас. 4. Шишкин. 6. Эскарп. 7. Висмут. 11. Глаголица. 13. Аквамарин. 14. Отмашка. 15. «Дачники». 16. Экскурс. 18. Океан. 21. Осока. 25. Анучин. 28. Казбек. 30. Глазок. 31. Натиск. 32. Ампула. 33. Азимут.

КОНЦЕРТ МОЦАРТА

Во «Франкфуртской газете» за 1764 год было помещено следующее любопытное объявление о концерте Моцарта, которому было тогда восемь лет, и его двенадцатилетней сестры. Объявление дал отец Моцарта. Вот что оно гласило:

«Двенадцатилетняя дочь моя и семилетний сын дадут концерт, в котором будут исполнены произведения величайших композиторов на фортепьяно, а сын, кроме того, будет играть на скрипке. Он закроет клавиши фортепьяно покрывалом и будет играть на нем так же, как если бы они не были закрыты. Он будет брать всякий тон и аккорд, который будет дан ему издали или вблизи на фортепьяно, колокольчике или каком-нибудь другом инструменте.

В заключение он будет исполнять импровизации, сколько угодно времени, на органе или фортепьяно, по желанию публики».

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Интересный разговор пришлось услышать мне однажды в городе Троицке, Челябинской области.

Расставались два приятеля.

— Я в Берлин,— сказал один.

— А мне в Париж надо бы съездить на денек,— ответил его товарищ.

Дело объяснилось просто: село Берлин находится под Троицком, а хутор Парижский — в соседнем районе.

В XIX веке оренбургское казачество на Южном Урале пополнилось казаками — участниками европейских походов против Наполеона. Закладывая новые деревни, переселенцы брали иногда названия тех городов, где им приходилось побывать.

А вот памятники другой эпохи — села Крым и Севастополь, безусловно, их оставили участники Крымской войны. Районные центры Балканы и Варна вызывают в памяти события русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

В. ЗАЛИВАДНЫЙ

Свердловск.

АНОЛИС

На деревьях, изгородях и стенах домов Кубы живут красногорлые анолисы. Эти небольшие ящерицы передвигаются с удивительной быстротой и ловкостью, прыгая с одной ветки на другую на расстояние раз в десять большее, чем длина их тела. Анолис может удержаться даже на листе, так как расширенные пальцы его присасываются к очень гладким поверхностям.

А. ДМИТРИЕВ

ПТИЧЬЯ МАСКИРОВКА

На заросшем камышом берегу реки на вербе мы обнаружили однажды гнездо. Оно было величиной с фуражку и пустое. Но как же мы удивились, когда на вершине дерева увидели птенцов! Когда мы стали фотографировать их, поставив на ветку, они неожиданно вытянулись и замерли, словно позируя перед фотоаппаратом.

Как называются эти удивительные птицы?

Г. ЕРЕМЕНКО

Новочеркасск.

Это птенцы выпи. Выпь окрашена под цвет густых зарослей и при малейшей тревоге хорошо прячется или замирает неподвижно, вытянув вверх голову и клюв. В такой позе ее почти нельзя отличить от камыша или берегового тростника.

«СОЗНАТЕЛЬНЫЙ» СОВЕНОК

Перед вами полярный совенок. Как только он немного подрос, он отправился путешествовать — «в люди». Совята растут очень неравномерно, и, видимо, для того, чтобы не «демаскировать» гнезда, не подвергать опасности своих младших братьев, уходят в тундру при первой же возможности. Совы-родители находят их и подкармливают леммингами — в награду за сознательность.

В. ОРЛОВ

Мыс Челюскин.

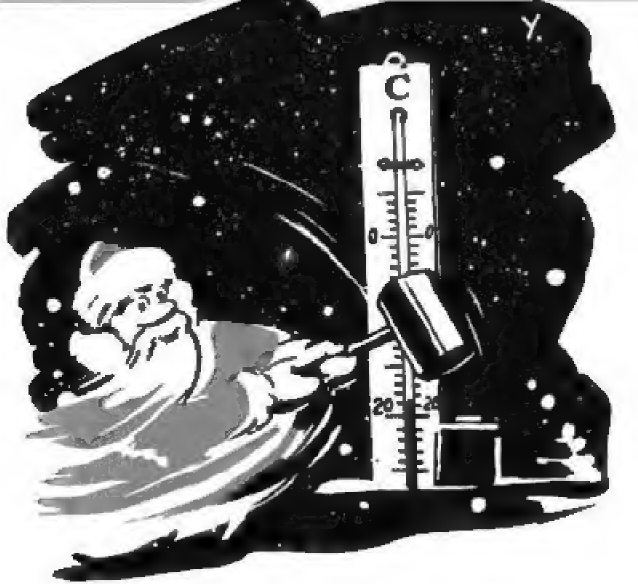
Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

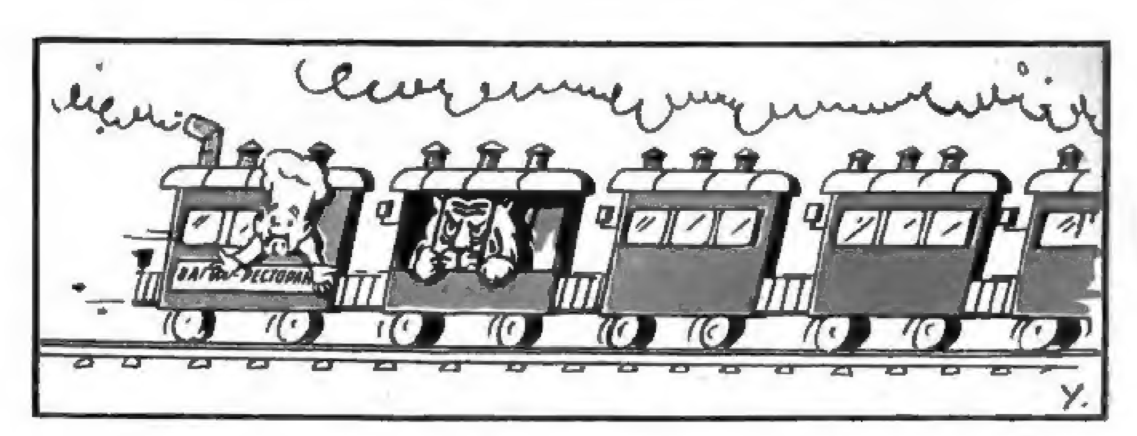
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00412. Подписано к печати 24/I 1962 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 5. Заказ 3456.

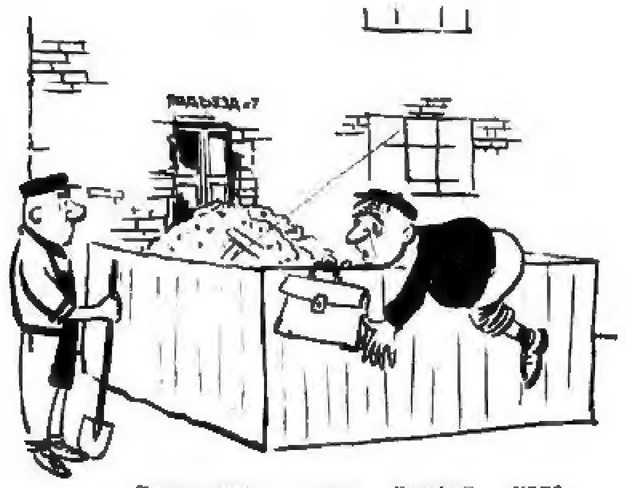
Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

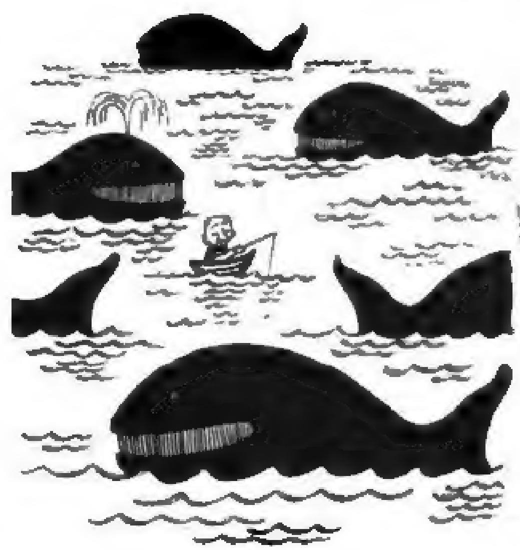
Ударил мороз.
Рисунок М. Ушаца.

— Странно, за целый день ни одного посетителя.
Рисунок М. Ушаца.

— Гражданин, здесь ремонт, хода нет!
— А что ж вы объявление не вывесите?
Рисунок В. Воеводина.

Рыбак-любитель.
Рисунок Гр. Оганова.

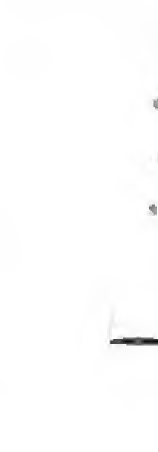

— ???
— У меня сегодня обедает друг, шпагоглотатель.
Рисунок В. Черникова.

— Папочка, подпиши дневник...
Рисунок А. Грунина.

В зоопарке:
— Опять ты проиграла, обезьяна!
Рисунок Вл. Гальбы.

Без слов.
Рисунок Р. Матюшина.

Любимая вещь.
Рисунок В. Черникова.

Цена номера 30 к
СОВЕТСКИЕ ЧАСЫ
С 1 ЯНВАРЯ 1962 ГОДА ЗНАЧИТЕЛЬНО СНИЖЕНЫ ЦЕНЫ НА ЧАСЫ.
Часы более 300 оформлений разных марок, отличающиеся высокой точностью хода и надежностью в эксплуатации, продаются в магазинах Ювелирторга.
Купив часы в магазинах Ювелирторга, вы можете проверить точность хода часов на специальном приборе.
РОСЮВЕЛИРТОРГ
ИНИСТЕРСТВО ТОРГОВЛИ
РОСЮВЕЛИРТОРГ
РСФСР